
THE LIBRARY OF CONGRESS
1800

ІОСАФАТЪ ОГРЫЗКО

И

ПЕТЕРБУРГСКІЙ РЕВОЛЮЦІОННЫЙ РЖОНДЪ ВЪ ДѢЛѢ ПОСЛѢДНЯГО МЯТЕЖА.

СОСТАВИЛЪ

ЧЛЕНЪ ВИЛЕНСКОЙ ОСОБОЙ СЛѢДСТВЕННОЙ, ПО ПОЛИТИЧЕСКИМЪ ДѢЛАМЪ, КОММИССІИ,

3-Й АРТИЛЛЕРІЙСКОЙ БРИГАДЫ ШТАБСЪ-КАПИТАНЪ

Н. В. Гогель.

ВИЛЬНА.

Въ типографіи Р. М. Ромма.

1866.

Gogel, Nikolai Valerianovich

ІОСАФАТЪ ОГРЫЗКО

3411
5375

Iosafat i Ogryzko

и

ПЕТЕРБУРГСКІЙ РЕВОЛЮЦІОННЫЙ РЖОНДЪ ВЪ ДѢЛѢ ПОСЛѢДНЯГО МЯТЕЖА.

СОСТАВИЛЪ

ЧЛЕНЪ ВИЛЕНСКОЙ ОСОБОЙ СЛѢДСТВЕННОЙ ПО ПОЛИТИЧЕСКИМЪ ДѢЛАМЪ КОММИССІИ, 3-Й АРТИЛЛЕРІЙСКОЙ БРИГАДЫ ШТАБСЪ-КАПИТАНЪ

Н. В. ГОГЕЛЬ.

ВИЛЬНА.

Въ типографіи Р. М. Ромма.

1866.

Дозволено Цензурою 24 Іюня, 1866 г. Вильна.

ІОСАФАТЪ ОГРЫЗКО

и

Петербургскій революціонный ржондъ, въ дѣлѣ послѣдняго мятежа.

«Дѣло это повело за собою открытіе и другихъ не менѣе безчестныхъ дѣлъ, въ которыхъ замѣшались даже, наконецъ, и такіе люди, которыхъ я доселѣ почиталъ честными. Извѣстна мнѣ даже и сокровенная цѣль спутать такимъ образомъ все, чтобы оказалась полная невозможность рѣшить формальнымъ порядкомъ. .... дѣло слишкомъ безчестное и вопіетъ о правосудіи. Хотя я знаю, что это будетъ даже и не въ урокъ другимъ, потому что на мѣсто выгнанныхъ явятся другіе, и тѣ самые, которые доселѣ были честны, сдѣлаются безчестными, и тѣ самые, которые удостоены будутъ довѣренности, обманутъ и продадутъ.» ......

Мертвыя души Н. В. Гоголя.

Сильна-ли Русь? Война, и моръ,
И бунтъ, и внѣшнихъ бурь напоръ
Ее, бѣснуясь, потрясали.
Смотрите-жъ: все стоитъ она!
А вкругъ нея волненья пали
И Польши участь рѣшена.....

А. Пушкинъ.

Не вѣрю чести игрока,
Любви къ Россіи Поляка.

А. Пушкинъ.

Какъ волка ни корми, все въ лѣсъ
глядитъ.

Народная пословица.

Сознавая всю пользу, какую русское общество можетъ извлечь изъ основательнаго пониманія своихъ тайныхъ враговъ, я постараюсь представить въ этомъ

разсказѣ типъ *поляка на русской службѣ* и вмѣстѣ съ тѣмъ—агента варшавскаго ржонда. Какъ типъ, я беру довольно популярное лице — бывшаго вице-директора департамента неокладныхъ сборовъ, коллежскаго совѣтника Іосафата *Огрызко*, осужденнаго на 20 лѣтъ въ каторжную работу въ рудникахъ Сибири.

Слѣдственное и судное его дѣло, вмѣстѣ съ обильными матеріалами, добытыми въ послѣднее время, слѣдственными коммиссіями, находится предъ нами. При разборѣ этихъ матеріаловъ объясняется вся интрига польской эмиграціи — интрига, такъ искусно веденная со временъ давно минувшихъ до временъ настоящихъ, событія которыхъ свѣжи еще въ нашей памяти. Невольно становишься въ тупикъ, какъ это мы ничего не замѣчали изъ подготовленій, которыя дѣлались къ послѣднему мятежу вокругъ насъ и почти на глазахъ каждаго. Добродушіе и довѣрчивость, столь свойственныя нашему народу, ослѣпляли насъ. Мы полагались на увѣренія поляковъ, что они сочувствуютъ намъ, что они преданы нашему престолу и что они, состоя на службѣ, служатъ въ интересѣ русскаго государства. Недостатокъ гласности по всѣмъ польскимъ дѣламъ способствовалъ этому жалкому заблужденію, въ которое впала Россія вслѣдствіе польской интриги. Мы воображали, что въ 1831 году польскій мятежъ былъ подавленъ и что мы, подавленіемъ этого мятежа, доказали полякамъ всю *несостоятельность* ихъ мечтаній. И вмѣсто того, чтобы быть

относительно поляковъ всегда на стражѣ, мы еще такъ недавно вѣрили имъ и утверждали, что они имѣютъ самыя благія намѣренія относительно насъ и что *польскія газеты могутъ издаваться въ духѣ сближенія* насъ съ поляками, а не съ цѣлью проводить польскую пропаганду. *)

Право, „преданіе свѣжо, а вѣрится съ трудомъ,“ какъ это мы могли заблуждаться до того, что считали мятежъ 31 года подавленнымъ окончательно, между тѣмъ, какъ большая часть главныхъ революціонеровъ убѣжала за границу и, размѣстившись по разнымъ уголкамъ Европы, начала, считая себя безопасною, подстрекать другихъ, оставшихся въ Россіи и, такъ сказать, *накрывшихся хвостомъ*, къ новымъ безпорядкамъ.

Мы не замѣчали,что тѣ, которые остались въ Россіи, хотя и присягнули на вѣрноподданство, но вмѣстѣ съ тѣмъ твердо рѣшились выжидать удобной минуты, а до того времени продолжать свою тайную интригу противъ Россіи.

Какъ заграничные, такъ и внутренніе враги Россіи съ одинаковою лихорадочною торопливостію вездѣ и всячески начали распространять ложные слухи про Россію, про все русское и про мнимыя притѣсненія, испытываемыя поляками въ Россіи, стараясь при этомъ *искажать историческіе факты и сочинять*

---

*) С.-Петербургскіе Вѣдомости за 1866 г. № 2.

новые, *) заманчиво рисующіе въ глазахъ поляковъ и Европы преданіе объ отжившей *Рѣчи Посполитой.* Они надѣялись такимъ образомъ пріобрѣсть сочувствіе, какъ заграницею, такъ и между тѣми Русскими, которые, по свойственному русскому народу добродушію, будутъ жалѣть *несчастныхъ.* И когда имъ это удалось, т. е. когда въ Россіи многіе Русскіе успокоились на счетъ Польши, а въ высшемъ обществѣ, обработанномъ польскою интригою, стали смотрѣть на Польшу съ соболѣзнованіемъ, тогда поляки опять взялись за свою, *единственную въ своемъ родѣ,* польскую пропаганду. И не смотря на то, что заграничная

---

*) Какъ образчикъ приведу одно мѣсто изъ сочиненія Мѣрославскаго „De la nationalité Polonaise," написаннаго во время восточной войны:

„Въ московскихъ арміяхъ Русскій приказываетъ, а начальствуетъ полякъ. Даже царь Николай не могъ (?) долго обойтись безъ военной образованности польской молодежи, которой онъ тщетно (!) хотѣлъ преградить доступъ въ чины послѣ 1831-го года. Всякій полякъ: студентъ или подмастерье, лакей или чиновникъ, приговоренный къ военной службѣ, *при высокомъ превосходствѣ* (?) своей западной *интеллигенціи*, становится въ войскѣ нужнѣе (?) всѣхъ боярскихъ внучатъ.

„Намъ передано однимъ офицеромъ, служащимъ въ русскихъ войскахъ, что передъ экспедиціею Перовскаго, въ Оренбургъ созвали всѣхъ (?) поляковъ съ Урала, дабы на нихъ возложить обязанности: инженеровъ, топографовъ и адъютантовъ; довѣренность русскихъ генераловъ къ полякамъ и къ ихъ совершенному знанію дѣла была такъ велика, что за тѣмъ никто болѣе о войскахъ не заботился (?!!!!!!)......"

эмиграція дѣлилась на множество разныхъ кружковъ, обвинявшихъ одинъ другаго въ неудачѣ мятежа 1831 года и всѣхъ послѣдующихъ, всѣ они однако сходились въ томъ, что надо какъ можно больше распространять дурнаго про Россію, и въ этомъ единственномъ случаѣ поляки не подтвердили польской пословицы: Gdzie dwa Polaka, tam i trzy zdania (гдѣ два поляка, тамъ три мнѣнія).

Главные дѣятели польской справы, какъ ихъ поляки называютъ—*столбы въ народѣ*, *) сознавали, что

---

*) Въ 1844 г., 17 (29) ноября, въ день годовщины польскаго возстанія 30-го года, Чарторыйскій, въ своей торжественной рѣчи, начерчивая програму польской справы, въ видѣ своихъ мечтаній о Польшѣ, говоритъ:

„Я убѣждаюсь, что въ различныхъ частяхъ Польши есть люди съ пылкимъ сердцемъ, но съ спокойнымъ и обдуманнымъ духомъ, непоколебимою твердостію и настойчивостію, и что каждый изъ этихъ людей уже издавна, по своему общественному положенію, высоко стоитъ въ мнѣніи своихъ соотечественниковъ.

„Пользуясь своимъ общественнымъ положеніемъ, люди эти, сознавая свое призваніе, взялись руководить братьями въ святомъ дѣлѣ освобожденія ойчизны. Это призваніе есть главная цѣль ихъ существованія, единственный предметъ ихъ мысли, стремленій, усилій и пожертвованій.

„Людей съ такими качествами много, очень много въ нашей ойчизнѣ, но для Польши и *двадцати человѣкъ достаточно*, если они будутъ съ толкомъ размѣщены и единовременно поставлены *столбами* фундамента, на которомъ будетъ *будоваться* все зданіе освобождаемой ойчизны.“......

новый мятежъ въ скоромъ времени невозможенъ и что надо дожидаться до *болѣе благопріятной минуты*, *) а пока пользоваться всѣми возможными ошибками русскихъ административныхъ лицъ, дабы, забравъ въ свои руки воспитаніе молодежи, дать ей пригодное направленіе, *понадѣлать* шляхты **) и взаимною помощію размѣстить побольше поляковъ, не только на значительныхъ мѣстахъ въ правительственной средѣ, но и вообще на правительственной службѣ, ***) дабы на нихъ можно было разсчитывать въ данную минуту.

Минуту эту заграничные *столбы* обѣщали указать, когда нравственная сторона поляковъ, по ихъ мнѣнію, достаточно будетъ подготовлена, т. е. когда всѣ поляки будутъ достаточно пропитаны тою *особенностію польской любви къ отчизнѣ,* плодомъ которой въ наше время вышелъ на свѣтъ *Польскій Катехизисъ.*

Польская эмиграція такъ мастерски взялась за свою пропаганду и такъ удачно для этой цѣли направила, какъ свое орудіе—ксендзовъ, что вскорѣ вся Западная

---

*) Любимое утѣшеніе поляковъ.

**) Въ настоящее время есть много матеріаловъ, свидѣтельствующихъ о томъ, какъ поляки старались фабрикаціею документовъ понадѣлать побольше шляхты, какъ готоваго революціоннаго элемента.

***) Сынъ стараго эмигранта, взятый въ мятежнической шайкѣ выразился, что, по указанію эмиграціи, поляки старались размѣщаться систематично: „Il faut les mettre sur les noeuds du filet de l'administration Russe.“

Россія покрылась цѣлою сѣтью революціонной организаціи въ лицѣ католическаго духовенства; это духовенство, сближаясь съ своими прихожанами, начало, въ двусмысленныхъ проповѣдяхъ своихъ, проводить тенденціи польскаго катехизиса и такимъ образомъ достигло того, что вскорѣ *польскій катехизисъ получилъ почти тождественность въ глазахъ всѣхъ, считающихъ себя поляками, съ катехизисомъ римско-католическимъ;* *) а всякій полякъ, съ малолѣтства, вмѣстѣ съ догматами католическими, пріучался къ исполненію *катехизиса польскаго*. Сочиненія Адама Мицкевича являлись въ этомъ случаѣ великимъ подспорь-

---

*) Тѣхъ изъ заблуждающихся Русскихъ, которые сомнѣваются еще въ солидарности извѣстнаго *Польскаго Катехизиса* съ проповѣдями *латино-польскаго духовенства*, я прошу вспомнить:

1. Существовавшихъ еще недавно-жандармовъ вѣшателей, присягавшихъ на эту должность въ костелахъ, и кинжалы которыхъ, послѣ *отравы*, освящались ксендзами также въ костелахъ.

2. Способы, въ 19-мъ столѣтіи употреблявшіеся римско-католическими (вѣрнѣе—латино-польскими) ксендзами, для проведенія тенденцій религіознаго братства трезвости;—смотри «Виленскій Вѣстникъ» 1866 г. № 29.

3. Революціонную обѣдню, напечатанную въ «Вѣстникѣ «Западной Россіи» 1866 г. Перепечатана въ № 87 «Вил. Вѣст.»

4. Миссалъ костельный, въ которомъ, въ особомъ отдѣленіи, помѣщены «службы праздникамъ и патронамъ Королевства Польскаго *въ прежнихъ его предѣлахъ*, рекомендуемый особенно ксендзами, для поддержанія любви къ ойчизнѣ.»—Смотр. № 87 «Вил. Вѣстн.» ст. г. Рачинскаго.

емъ для проповѣди, а его „Конрадъ Валенродъ,“ какъ образецъ для каждаго служащаго въ Россіи поляка— *идеализировалъ измѣну*.

Молодежь, воспитанная въ тенденціяхъ польскаго катехизиса, стала стараться сближаться между собою и образовывать тайные кружки, изъ которыхъ впослѣдствіи должны были выйти своего рода *столбы для народа*, современные „Валенроды.“

Эти кружки, поддерживая постоянныя сношенія съ польскою эмиграціею, добывали оттуда всѣ запрещенныя сочиненія, въ которыхъ эмиграція, въ умышленно-искаженномъ видѣ, описывала исторію всѣхъ польскихъ интригъ и тѣмъ распаляла воображеніе молодежи до того, что юношескіе умы, подготовленные ксендзами, принимали на вѣру всѣ эти басни; увлекались ими до того, что каждому въ свою очередь хотѣлось быть героемъ въ глазахъ своихъ соотечественниковъ. Героизмъ въ понятіяхъ поляковъ, воспитанныхъ въ правилахъ ихъ катехизиса, имѣетъ совершенно другое значеніе, чѣмъ у прочихъ народовъ. По понятіямъ поляковъ, Мицкевичъ, *вдохновленный свыше*, въ своемъ „Валенродѣ“ представилъ образецъ любви къ ойчизнѣ, образецъ, къ которому всякій полякъ долженъ стремиться, а потому въ этихъ кружкахъ и выработалось правило, что всякій Rodowity Polak долженъ стараться поступить на службу русскаго правительства, чтобы имѣть возможность, прикрываясь его кокардою, безопасно работать на поль-

зу *польской справы* и всячески дѣлать *легальныя* попущенія для своихъ патріотовъ.

Въ этихъ же кружкахъ выработывались разнаго рода тенденціи, которыми поляки намѣревались опутать нашу русскую молодежь, имѣющую претензію *на званіе передовыхъ людей.* Эти нелѣпыя тенденціи были въ родѣ слѣдующихъ іезуитскихъ:

Присяга правительству обязательна только, пока убѣжденія присягнувшаго согласны съ распоряженіями правительства; и всякая ложная клятва разрѣшается, если она пригодна для польской справы.

Для достиженія какой нибудь политической цѣли всякое средство допускается.

Состоя на правительственной службѣ, можно дѣйствовать во вредъ правительству, лишь бы наружно была соблюдена легальность.

Разбирая находящіеся у насъ матеріялы и сближая ихъ съ разсказами нѣкоторыхъ уже сужденныхъ польскихъ дѣятелей, мы замѣчаемъ, что въ 1848 году, когда броженіе умовъ охватило всю Европу, оно не миновало и *недальновидныхъ поляковъ;* у нихъ разъигралось воображеніе и они задумали возстаніе. Для этой цѣли во всѣхъ университетахъ польская молодежь еще болѣе сблизилась между собою, вошла въ сношеніе съ молодежью изъ землевладѣльцевъ *) и съ

---

*) Относительно благонадежности польскаго землевладѣльческаго сословія, въ сѣверо-западномъ краѣ, приведу слѣдующее: въ 1849 году правительствомъ замѣчено было, что

заграничною эмиграціею и, подталкиваемая последнею, воображала себя въ силѣ поднять знамя мятежа, или, вѣрнѣе сказать, по польскому обыкновенію—*навязать народу мятежъ*.

Изъ петербургскаго университетскаго польскаго патріотическаго кружка 1848 и 1849 годовъ приведу фамиліи сужденныхъ и уличенныхъ уже розысканіми слѣдственныхъ коммиссій *въ преступленіяхъ 1-й категоріи*, Высочайше утвержденныхъ въ маѣ 1863 года правилъ: Сигизмундъ *Сѣраковскій*, Александръ *Оскерко*, Яковъ *Гейшторъ*, князь Николай *Гедройцъ*, Ѳаддѣй *Чудовскій*, Вацлавъ *Пржибыльскій* и Іосафатъ *Огрызко*. *)

По выходѣ изъ университета, польская молодежь частію поступила въ заграничныя революціонныя войска, **) частію же разсыпалась по всей Россіи. Но

по деревнямъ разъѣзжаютъ и бродятъ какія-то подозрительныя личности; вслѣдствіе чего мѣстныя власти обязали помѣщиковъ слѣдить за этимъ и немедленно доносить мѣстной полиціи, дабы подобныя личности были арестованы. Польскіе же помѣщики, знавшіе очень хорошо, *что это за люди* и какая ихъ цѣль, не хотѣли имъ мѣшать, а для того, чтобы соблюсти *легальность*, перебрались сей-часъ-же на жительство въ уѣздные города. И такимъ образомъ помѣщики остались въ глазахъ правительства *вѣрноподданными*—и революціонеры могли безопасно сѣять свое сѣмя.

*) *Сѣраковскій*—повѣшенъ; *Оскерко, Гейшторъ, Гедройцъ* и *Огрызко*—сосланы въ каторжную работу; *Чудовскій*—убитъ въ шайкѣ; *Пржибыльскій*—бѣжалъ.

**) *Сѣраковскій* пробирался уже за границу, но былъ на

не найдя въ народѣ того сочувствія, какаго ожидала, *) она накрылась, по польскому обыкновенію, хвостомъ,— и одни притаились въ своихъ имѣніяхъ, другіе занялись воспитаніемъ молодежи, **), а третьи вступили въ русскую правительственную службу, всѣ съ твердымъ намѣреніемъ—продолжать свою работу на пользу польской справы.

Поступившіе на службу обязаны были во имя выра-

границѣ схваченъ и сужденъ въ солдаты въ Оренбургскій линейный баталіонъ, но въ 1857 году помилованъ и возвратился въ Петербургъ.

*) Одинъ изъ сужденныхъ въ каторжную работу, за дѣятельное участіе въ нынѣшнемъ мятежѣ, между прочимъ, разсказывалъ слѣдующее по этому случаю: по выходѣ изъ Петербургскаго университета, онъ поселился въ имѣніи и скоро пріобрѣлъ большое вліяніе въ околодкѣ. Разъ пріѣхавъ въ 1849 г. на ярмарку въ уѣздный городъ, онъ получилъ письмо, которымъ онъ назначался уѣзднымъ начальникомъ предполагавшагося возстанія, для чего ему предлагалось собрать всѣхъ преданныхъ польскому дѣлу (патріотовъ) и предупредить ихъ. Но, сознавая всю невозможность начать возстаніе въ данную минуту, онъ объявилъ неизвѣстному подателю письма: „скажите пославшимъ васъ, что они заблуждаются, и что я письма ихъ оставляю безъ вниманія и исполненія, такъ какъ народъ нашъ не готовъ и у насъ нельзя ничего сдѣлать въ такой короткій срокъ; потому я совѣтую отложить дѣло до другого, болѣе удобнаго времени.“

**) Тутъ то выработались тѣ традиціи, которыя изложены въ брошюрѣ: „Uczmy się“, помѣщенной въ № 23-мъ «Виленскаго Вѣстника» за 1866 годъ; традиціями этими подготовлялась молодежь для возстанія *въ болѣе удобную минуту*.

ботанныхъ въ университетскихъ кружкахъ тенденцій всячески содѣйствовать *патріотамъ* для полученія какихъ либо служебныхъ мѣстъ; и такимъ образомъ вся Россія покрывалась невидимою сѣтью: ксендзовъ, чиновниковъ и офицеровъ,—сѣтью, которая собиралась задушить ее при первомъ представившемся случаѣ.

Случай этотъ поляки того времени считали наступившимъ во время восточной войны, и ихъ *легковѣрный* умъ опять было возымѣлъ намѣреніе *затѣять мятежъ;* но заграничная польская эмиграція, зорко слѣдившая за ходомъ войны, испугалась, чтобы выстрѣлы въ Царствѣ Польскомъ не заставили замолчать батареи подъ Севастополемъ и приняла свои мѣры, такъ что въ 1855 году сформировалась только одна шайка мятежниковъ въ Ковенской губерніи, на пруской границѣ, подъ начальствомъ *Длусскаго*, численностію до 1000 человѣкъ. Шайка эта упрашивала эмиграцію позволить ей начать возстаніе, но эмиграція опасалась, что вспыхнувшее въ Польшѣ возстаніе можетъ заставить Австрію и Пруссію нарушить нейтралитетъ и стать на сторону Россіи; а потому она всячески удерживала горячихъ патріотовъ, обѣщая имъ, что Наполеонъ увѣдомитъ ихъ, когда надо будетъ начать возстаніе. Но, вмѣсто ожидаемаго сигнала, *Длусскій* получилъ увѣдомленіе, что въ Крыму заключено перемиріе, которое по всей вѣроятности окончится миромъ; а потому онъ распустилъ свою шайку, а самъ вернулся въ Россію, гдѣ,

во время послѣдняго мятежа, въ Ковенской губерніи командовалъ шайкою, подъ именемъ Яблоновскаго *). Кромѣ этого болѣе никакихъ попытокъ къ возстанію дѣлаемо небыло **).

Но за то съ самаго заключенія мира, пользуясь тѣмъ, что русское правительство занялось многими важными внутренними реформами, заграничная эмиграція вступила въ прямыя сношенія съ русскими *отщепенцами,* знаменитыми издателями „*Колокола;*", начала усиленную пропаганду польскаго катехизиса, и съ этою цѣлью, по всѣмъ университетамъ, начались формироваться правильно организированныя тайныя

---

*) Одинъ изъ членовъ варшавскаго ржонда говоритъ: „Длусскій былъ упрямый, твердый до закоснѣлости Литвинъ, при томъ человѣкъ тупой и теряющійся въ мелочахъ; онъ былъ прежде солдатомъ на Кавказѣ, какъ политическій преступникъ; получивъ помилованіе, онъ командовалъ въ 1855 году собравшеюся шайкою на прусской границѣ, потомъ въ 1856 году поступилъ въ Московскій университетъ и тамъ окончилъ медицинскія науки. Въ возстаніи (1863 г.) Длусскій былъ офицеромъ и служилъ подъ командою Сѣраковскаго въ Ковенской губерніи; потомъ командовалъ тамъ же отдѣльной шайкой подъ псевдонимомъ Яблоновскаго" .. По разбитіи шайки, бѣжалъ заграницу.

**) Между поляками сильно распространена фраза, сказанная будто бы Наполеономъ *Чарторыйскому,* который, какъ увѣряютъ поляки, просилъ позволенія начать возстаніе въ Польшѣ, увѣряя, что все тамъ уже готово. Наполеонъ сказалъ: „Un seul coup de fusil parti sur la Vistule, et je ferai taire mes batteries devant Sebastopol."

общества, въ видѣ *троекъ* *), члены которыхъ подчинялись особымъ старшимъ, назначеннымъ изъ за границы во всѣ главные города; а уже чрезъ этихъ старшихъ общество правильно поддерживало сношенія съ заграничною эмиграціею. Вотъ какъ объ этомъ говоритъ сосланный въ Сибирь на поселеніе одинъ офицеръ, бывшій начальникомъ шайки, воспитывавшійся въ Кіевскомъ университетѣ; выписываемъ слово въ слово его показаніе **):

„Въ каждомъ городѣ, т. е. въ Кіевѣ, Варшавѣ, Москвѣ, Петербургѣ и въ Вильнѣ, есть такъ называемые старшіе, но фамилій ихъ никто не знаетъ, только они знаютъ другъ друга и сносятся помощію особыхъ избранныхъ людей; каждый изъ этихъ старшихъ имѣетъ такихъ трехъ повѣренныхъ. Должно быть, система эта давно уже была основана, потому что составляла подготовленіе для того, чтобы всѣ сословія народа постепенно приняли въ немъ участіе. Устройство системы этой состояло въ слѣдующемъ: каждый изъ трехъ находящихся при старшемъ, увѣрившись достаточно въ какомъ либо человѣкѣ, принималъ его въ свою тройку, т. е. каждый принималъ трехъ; они записывались подъ какими нибудь псевдонимами, не зная одинъ другаго, а только принимавшій зналъ всѣхъ трехъ; это шло постепенно; каждый изъ принятыхъ избиралъ еще трехъ и т. д.; вслѣдствіе чего это общество весьма распространилось, прежде всего въ Царствѣ Польскомъ,

---

*) По показаніямъ разстрѣляннаго въ Казани поручика Черняка: „Система троекъ употреблялась еще во время крымской кампаніи въ Кіевскомъ университетѣ.“

**) Всѣ показанія, которыя я привожу въ этой статьѣ, обозначенныя кавычками, заимствованы изъ подлинныхъ документовъ или изъ разговоровъ съ самими подсудимыми.

а потомъ и въ остальныхъ городахъ, такъ что много мѣщанъ и крестьянъ было записано въ это общество. Каждый записавшій трехъ, съ ихъ псевдонимами и настоящими именами, отдавалъ списокъ этотъ тому, который его принялъ, тотъ далѣе, и такимъ образомъ списки соединялись у *старшаго*. Такое общество приготовляло людей разнаго сословія къ будущему возстанію.“

Впослѣдствіи система троекъ была замѣнена системою десятковъ. Позднѣе, члены этого тайнаго общества устроили въ Петербургѣ сходки, своего рода сеймы, цѣль которыхъ состояла въ польской пропагандѣ. По показанію разстрѣляннаго въ Казани поручика *Черняка*:

„Цѣль этихъ собраній была связать всѣхъ поляковъ и по возможности подготовить ихъ (въ нравственномъ смыслѣ) къ дѣлу возстанія; какъ средство для этого употреблялась *словесная и письменная пропаганда* (брошюры, книги и т. п., по большей части эмигрантовъ); кромѣ того, сообщались извѣстія изъ Варшавы и другихъ мѣстъ бывшихъ польскихъ провинцій, о настроеніи общества въ революціонномъ отношеніи; собирались денежныя пожертвованія въ пользу разныхъ эмигрантскихъ учрежденій за границею.“

Въ спискахъ этихъ тайныхъ революціонныхъ обществъ, *выжидавшихъ* удобной минуты для возстанія, мы опять, какъ и въ 1848 и 1849 годахъ, встрѣчаемъ фамилію *Іосафата Огрызки*.

Чтобы ознакомить нашихъ читателей съ личностью Іосафата Огрызки, выписываемъ его собственное показаніе:

„Состою на службѣ въ министерствѣ финансовъ, въ качествѣ ревизора при департаментѣ неокладныхъ сборовъ, завѣдую нѣсколькими отдѣленіями департамента,

съ правами вице-директора; имѣю участокъ земли въ Минской губерніи, Борисовскаго уѣзда; воспитывался я сначала у родителей, которые содержали для того воспитателя, по фамиліи Піотуха, потомъ Витебской губерніи въ Лепельскомъ уѣздномъ училищѣ, куда поступилъ въ 1837 году, а въ 1841, кончивъ четыре класса уѣзднаго училища, поступилъ въ пятый классъ Минской гимназіи, въ которой, пробывъ три года, кончилъ весь гимназическій курсъ наукъ въ 1844 году; при выпускѣ, за успѣхи въ русскомъ языкѣ, удостоенъ былъ права на полученіе чина XIV класса, при вступленіи въ гражданскую службу; находясь въ уѣздномъ училищѣ и въ гимназіи, въ праздники Рождества Христова и Пасхи, а также на каникулярное время, ѣздилъ къ родителямъ.

„По случаю недостаточнаго состоянія моихъ родителей я, находясь еще въ уѣздномъ училищѣ, былъ уже репетиторомъ при дѣтяхъ учителя нѣмецкаго языка, по фамиліи Бермана; въ гимназіи также содержалъ себя уроками, а именно, съ 1841 по іюнь 1842 года былъ гувернеромъ при сынѣ бывшаго губернскаго стряпчаго Семенкевича, а съ половины 1842, до окончанія гимназіи, находился при дѣтяхъ Бардскаго, бывшаго въ то время секретаремъ минскаго депутатскаго собранія; по окончаніи гимназическаго курса, т. е. съ 1844 г., на каникулярное время 1845 г. я оставался въ Минскѣ же и по прежнему занимался преподаваніемъ уроковъ дѣтямъ Бардскаго и одному изъ сыновей помѣщика Лапицкаго; а въ іюнѣ 1845 года, повидавшись съ родными, отправился въ Петербургъ, гдѣ въ томъ же году поступилъ въ университетъ, въ которомъ чрезъ четыре года, т. е. 1849 г. кончилъ курсъ наукъ, со степенью кандидата правъ; во всѣ четыре года нахожденія въ университетѣ и первое время по окончаніи онаго, я содержалъ себя сначала оставшимися у меня отъ гимназіяльнаго времени деньгами, а потомъ уроками же, *)

(*) Замѣчательно, какъ всѣ дѣятели польской справы любятъ давать уроки и приготовлять молодежь; впрочемъ, послѣ появленія

которые давалъ приготовляющимся къ поступленію въ университетъ, въ училище правовѣдѣнія и въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ и другія учебныя заведенія. На службу поступилъ я въ 1850 году.“

Огрызко росту выше средняго, крѣпкаго и сухаго тѣлосложенія; лице немного смуглое, волоса на головѣ и на окладистой бородѣ густые, темно-русые, слегка вьющіеся, высокій лобъ, выдающіяся немного скулы, довольно большой прямой носъ, маленькіе сѣрые глаза, которые онъ слегка прищуриваетъ, нахмуривая брови, сжатыя губы, изъ которыхъ нижняя выдалась немного впередъ и придаетъ его физіономіи нѣсколько нахальный видъ; тѣмъ не менѣе лице его, въ нѣкоторые моменты, кажется довольно пріятнымъ.

Относительно служебной дѣятельности Іосафата *Огрызки* въ формулярномъ спискѣ значится слѣдующее:

„Вѣроисповѣданія римско-католическаго, отъ роду 39 лѣтъ, холостъ; имѣетъ бронзовую медаль въ память войны 1853—1856 годовъ на андреевской лентѣ; получаетъ жалованья *3000 руб.* По окончаніи курса наукъ въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ, со степенью кандидата правъ, по Высочайшему соизволенію, состоявшемуся въ 20 день марта 1852 года, опредѣленъ, въ видѣ *особеннаго изъятія изъ общихъ правилъ*, чиновникомъ канцеляріи (кодификаціонной) коммиссіи для ревизіи и составленія законовъ Царства Польскаго, съ зачисленіемъ ему въ дѣйствительную службу и времени

въ печати наставленія: „Uczmy się“, помѣщеннаго въ № 23 „Виленскаго Вѣстника,“ становятся понятными эти—и жажда и рвеніе воспитывать молодежь.

занятій по сей коммиссіи для испытанія съ 1850 года 13 (25) августа; 12 апрѣля 1852 утвержденъ въ чинѣ коллежскаго секретаря, со старшинствомъ 1850 года 13 (25) августа; 2 декабря 1854 года произведенъ *за отличіе* въ титулярные совѣтники, со старшинствомъ 1852 года 13 августа; 1-го января 1856 года произведенъ *за отличіе* въ коллежскіе ассесоры, со старшинствомъ 1855 г. августа 13; 11 мая 1857 года переведенъ въ департаментъ горныхъ и соляныхъ дѣлъ младшимъ столоначальникомъ; 17 декабря 1859 года произведенъ въ надворные совѣтники, со старшинствомъ 1859 г. августа 13; 28 октября 1860 г., *за отлично-усердную службу*, награжденъ 400 р. сер.; 28 ноября 1861 года переведенъ въ департаментъ разныхъ податей и сборовъ (нынѣ департаментъ неокладныхъ сборовъ); въ 1861 году 24 ноября, *за отлично-усердную службу*, начальствомъ засвидѣтельствованную, получилъ единовременно 500 р.; 4-го февраля 1863 года, съ разрѣшенія г. министра финансовъ, поручено завѣдывать отдѣленіями департамента II, III и V, *на правахъ вице-директора* (*), съ правомъ подписывать и скрѣплять всѣ исходящія бумаги, за исключеніемъ тѣхъ, которыя заключаютъ въ себѣ общія распоряженія, или болѣе важныя разрѣшенія; а по канцеляріи—по дѣламъ новаго питейно-акцизнаго управленія подписывать бумаги второстепенной важности; 1-го сентября 1863 года на тѣхъ же основаніяхъ поручено завѣдываніе временнымъ отдѣленіемъ департамента; 10 декабря 1863 года произведенъ

(*) И такъ, въ perpetuo mobili польской справы, въ Петербургѣ, *столбами для народа*, послѣдовательно являлись: министръ иностранныхъ дѣлъ и попечитель Виленскаго учебнаго округа — князь Адамъ *Чарторыйскій;* Сенаторъ графъ Михаилъ *Огинскій;* бывшій министръ финансовъ Царства Польскаго, князь Ксаверій *Друцкій-Любецкій*, и наконецъ на правахъ вице-директора департамента неокладныхъ сборовъ Іосафатъ *Огрызко*. Каждый изъ нихъ, въ свое время, выставлялъ себя предъ нашимъ правительствомъ за человѣка совершенно ему преданнаго и глубоко заинтересованнаго *преуспѣяніемъ* Россійской Имперіи.

въ коллежскіе совѣтники, со старшинствомъ 1863 г. августа 13-го."

Изъ приведеннаго выше формулярнаго списка видно, что Огрызко, какъ должно, слѣдуя польскому катехизису, былъ исправнымъ чиновникомъ, вслѣдствіе чего и былъ отличаемъ начальствомъ; это, однако, ему не мѣшало, одновременно съ *легальнымъ* исполненіемъ обязанностей службы, быть постояннымъ членомъ какого нибудь тайнаго революціоннаго общества.

Еще въ университетскомъ кружку 1848—1849 годовъ между поляками завязалась тѣсная связь *съ патріотическою цѣлью;* по выходѣ же изъ университета, *Огрызко* продолжалъ поддерживать сношенія съ своими бывшими университетскими товарищами. По разсказамъ уже сужденныхъ въ настоящее время преступниковъ видно, что когда въ 1858 году началась вербовка съ большею настойчивостью въ члены тайныхъ обществъ, то между петербургскою польскою молодежью проявилась потребность въ своей польской газетѣ, удовлетворявшей ихъ замысламъ ловкимъ изображеніемъ современной жизни края. За удовлетвореніе этой потребности взялся Іосафатъ *Огрызко,* поддерживаемый университетскими товарищами. Съ этою цѣлью онъ предпринялъ изданіе газеты „Słowo;" прикрываясь, какъ и слѣдовало ожидать, *легальною* цѣлью *сближенія поляковъ съ русскими* (*). Но прежде чѣмъ рѣшиться на такое опасное

(*) Съ подобною же легальною цѣлью было устроено поляками нѣсколько учрежденій, которыя, какъ показалъ

дѣло, какъ печатная пропаганда, *Огрызко* отправился за границу, чтобы убѣдиться собственными глазами, на сколько можно разсчитывать на заграничную поддержку въ предполагаемомъ возстаніи.

„Я уѣхалъ, говоритъ *Огрызко* въ своемъ показаніи, изъ Петербурга, кажется, во второй половинѣ іюня и возвратился въ концѣ августа, или въ началѣ сентября. Изъ Петербурга ѣхалъ я: на Ригу, Ковну, Варшаву, Краковъ, Бреслау, Познань, Берлинъ и Брюссель до Парижа; а на обратномъ пути останавливался въ Кельнѣ и Дрезденѣ; возвратясь изъ за границы въ Варшаву, отправился оттуда въ Ковну, Вильну, Минскъ и черезъ Витебскъ вернулся въ Петербургъ.“

Успокоенный благопріятными свѣдѣніями, собранными во время своего путешествія отъ своихъ бывшихъ университетскихъ товарищей, и пріискавъ пригодныхъ, какъ онъ выражается, *корреспондентовъ*, *Огрызко* рѣшился начать изданіе польской газеты „Słowo.“

Относительно средствъ, на которыя предпринято было изданіе этой газеты, *Огрызко*, между прочимъ, говоритъ слѣдующее:

послѣдній мятежъ, служили на самомъ дѣлѣ форсированному ополячиванію западнаго края. Такъ издавалась въ Вильнѣ газета „Виленскій Вѣстникъ“, подъ польскою редакціею, (*смотри Виленскій Вѣстникъ 1866 г. N. 66*), такъ устроенъ былъ въ Вильнѣ Виленскій музей древностей, (*смотри Виленскій Вѣстникъ 1866 г. N. 16*); такъ учреждались братства трезвости въ сѣверо-западномъ краѣ (*смотри Виленскій Вѣстникъ 1866 г. N. 29*).

„Такъ какъ капиталъ, собранный мною на службѣ у А. Н. Карамзина и въ управленіи дѣлами наслѣдниковъ тайнаго совѣтника Н. Н. Демидова былъ весьма незначителенъ, то на расходы по изданію журнала былъ открытъ мнѣ кредитъ въ управленіи Демидовыхъ. Вся полученная изъ управленія дѣлами Демидовыхъ на первоначальные расходы по изданію сумма, была возвращена мною въ началѣ 1859 г. изъ денегъ отъ подписки на журналъ; когда же изданіе журнала, по причинѣ помѣщенія въ немъ запрещеннаго *письма Лелевеля*, было запрещено (при чемъ я, по Высочайшему повелѣнію, былъ посаженъ въ крѣпость, но чрезъ двѣ недѣли освобожденъ), то, для разсчета съ подписчиками и для устройства *моихъ дѣлъ въ большемъ противу прежняго размѣрѣ*, мнѣ снова былъ открытъ кредитъ въ управленіи дѣлами Демидовыхъ. Съ помощію этого кредита и доходовъ отъ типографіи, а также другихъ небольшихъ займовъ, я устроилъ типографію въ довольно большомъ размѣрѣ (*).“

И такъ, *Огрызко*, какъ настоящій послѣдователь польскаго катехизиса, — *на русскія деньги* предпринялъ печатную *пропаганду польской справы;* и когда правительство, замѣтивъ, куда направляется польское „Слово“, закрыло эту газету, то *Огрызко* принялъ видъ жертвы и тѣмъ разжалобилъ и возбудилъ свой-

---

(*) Въ этомъ случаѣ *Огрызко* поступилъ по принятому эмиграціею правилу: стараться пріобрѣсть расположеніе одного изъ богатыхъ русскихъ семействъ; заняться его дѣлами, какъ слѣдуетъ, и тѣмъ пріобрѣсть протекцію и право говорить, что онъ работалъ въ пользу русскаго семейства, а слѣдовательно, и государства; а въ случаѣ надобности воспользоваться расположеніемъ, протекціею и кредитомъ этого семейства,—какъ и сдѣлалъ *Огрызко*. Вообще, о дѣйствіяхъ и правилахъ эмиграціи смотри „Вѣстникъ западной Россіи“ и особую книгу: *„Польская эмиграція до и во время послѣдняго мятежа 1831—1863 г.“* Вильна 1865 года.

ственное русскому человѣку сочувствіе къ *несчастному;* слѣдствіемъ чего и было, что онъ снова получилъ *русскія деньги* для устройства *своихъ дѣлъ въ большемъ противу прежняго размѣрѣ.*

Устроенная такимъ образомъ на русскія деньги типографія сильно подвинула впередъ дѣло польскаго заговора, тѣмъ, что дала возможность *Огрызкѣ* завести *легальныя сношенія* съ заграницею и со всевозможными городами Россіи и Царства Польскаго. Вездѣ могъ онъ безопасно поддерживать свои сношенія съ лицами, преданными польскому дѣлу, которыя, подъ видомъ книгопродавцевъ, коммиссіонеровъ, издателей, или писателей, доставляли ему требуемыя свѣдѣнія и получали отъ него таковыя же; а принятая *Огрызкою* условная азбука, въ видѣ счетовъ съ подведеннымъ подъ нимъ итогомъ (*), дѣлала эти сношенія окончательно безопасными; знакомство же *Огрызки* съ *Сѣраковскимъ,* основанное на университетскомъ товариществѣ и соединившее ихъ, какъ членовъ одного и того же политическаго кружка 1848—1849 годовъ, давало возможность *Огрызкѣ* сноситься еще съ большею легкостію, чрезъ прикомандированныхъ и откомандированныхъ изъ столицы офицеровъ; чрезъ нихъ посылались разныя словесныя и письменныя приказанія къ членамъ

(*) Показаніе одного изъ сотрудниковъ *Огрызки,* по дѣлу отправки изъ Петербурга офицеровъ въ шайки мятежниковъ, объясняетъ эту условную азбуку.

иногородныхъ централизацій (*); чрезъ нихъ же получались и разныя донесенія „о настроеніи всѣхъ классовъ общества въ революціонномъ отношеніи.“

Въ 1859—1860 г. въ Петербургѣ мы встрѣчаемъ уже правильно организованный революціонный кружокъ, который для лучшаго распредѣленія работъ и для большей таинственности дѣлился на два: *петербургскій военный* и *петербургскій штатскій* революціонные кружки, которые, по показаніямъ члена главнаго варшавскаго комитета „*правильно образовываться стали съ появленіемъ въ Петербургѣ Сигизмунда Сѣраковскаго и подъ его вліяніемъ.*“ Изъ числа главныхъ дѣятелей того времени, названныхъ членами Варшавскаго ржонда, мы назовемъ пока только Іосафата *Огрызку* (**).

(*) Управленіе тайныхъ обществъ въ каждомъ городѣ называлось *централизаціею*.

(**) Одинъ изъ арестованныхъ, во время своего ареста и разговоровъ съ слѣдователями, понялъ всю интригу, которой онъ былъ слѣпымъ орудіемъ, и сознавъ всю пользу для края (который онъ считалъ своимъ отечествомъ) въ скорѣйшемъ прекращеніи зла раскрытіемъ всѣхъ тайныхъ дѣятелей, — передъ самой уже отправкой въ ссылку, на прощаніе выразился: „Во время моего пребыванія въ петербургскомъ университетѣ я былъ порученъ надзору Огрызки, а потому, если хотите вырвать зло съ корнемъ, если хотите дойти до источника, ищите вокругъ петербургскаго Огрызки; онъ имѣетъ свою типографію, и вы найдете болѣе, нежели ожидаете; я подробностей не знаю, но оттуда пошла работа, и вы вырвете зло, котораго я сталъ жертвою.“

О развитіи этихъ революціонныхъ кружковъ одинъ изъ членовъ того кружка говоритъ такъ:

„По пріѣздѣ моемъ въ Петербургъ (въ 1859 г.), вскорѣ послѣ поступленія моего въ академію (генеральнаго штаба), капитанъ *Сѣраковскій* познакомился со всѣми поляками нашего курса и познакомилъ насъ другъ съ другомъ; такъ черезъ него я познакомился съ *Домбровскимъ*, *Станевичемъ* и другими. *Сѣраковскій* отъ начала нашего знакомства стыдилъ насъ, что мы забыли свой языкъ, давалъ намъ разныя польскія книги, историческія, поэтическія, польскія газеты, выходившія тогда за границею, и *Колоколъ*, и вообще старался расположить наши умы къ тѣмъ идеямъ, которыя проповѣдывалъ впослѣдствіи. Эти подробности можетъ быть и лишнія, но я хочу показать, какъ человѣкъ незамѣтно впитываетъ въ себя идеи той среды, въ которую толкнули его обстоятельства, и постепенно извращаются въ немъ понятія о долгѣ и чести.“

Относительно разныхъ средствъ, которыя Огрызко съ товарищами употребляли передъ этимъ мятежомъ для проведенія революціонныхъ тенденцій, одинъ изъ сосланныхъ говоритъ:

„Углубляясь въ прошлое и анализируя развитіе своихъ убѣжденій, нельзя не замѣтить, что тѣ, которые руководили дѣломъ заговора, съ искусною послѣдовательностію притягивали насъ къ революціи. Сначала они посѣяли въ насъ туманное желаніе не быть *отсталыми*, а напротивъ стараться стать *передовыми* или *прогрессистами* въ своемъ кружкѣ; потомъ постепенно развивали въ насъ манію *порицать дѣйствія правительства;* потомъ они старались покачнуть въ насъ оставшіяся вѣрованія и то, что мы до того времени привыкли считать святымъ. Для этой цѣли въ Петербургѣ были читаны лекціи (которыя разошлись почти по всѣмъ университетамъ): „*О революціи въ Іудеѣ*,“ которыя хотѣли достичь двухъ цѣлей: уронить святость креста и Евангелія (на

которыхъ присягаютъ) и поднять революцію до послѣдованія евангельскому ученію. А такъ какъ журналы своею маніею къ обличительной литературѣ показали разные недостатки и злоупотребленія нашей администраціи, то всякій революціонеръ *уподоблялся* (!?) Спасителю, который тоже боролся съ недостатками и злоупотребленіями іудейской администраціи (*). *Колоколъ*, съ своей стороны, распалялъ страсти, а нѣкоторые русскіе журналы, печатая разныя коммунистическія и соціалистическія статьи, развивали воображеніе и жажду реформъ и самопожертвованія для мнимаго блага народа,—а потому всякому станетъ понятно, какъ безсознательно человѣкъ можетъ стать революціонеромъ.“

Другой членъ централизаціи въ своемъ показаніи говоритъ:

„Разбирая жизнь мою, я нахожу, что кардинальною причиною моихъ преступленій было: 1) первоначальное образованіе въ гимназіи и университетѣ, гдѣ я образовалъ мой умъ чтеніемъ польскихъ историческихъ книгъ, *большею частію пристроенныхъ*, (**) твердившихъ о бывшей самостоятельности Польши, какъ стройнаго политическаго организма, павшаго не вслѣдствіе внутренней несостоятельности, а по политическимъ видамъ другихъ государствъ; 2) совершенное незнаніе тѣхъ условій и нуждъ, въ которыхъ находился весь край, который я *по извращеннымъ понятіямъ* считалъ прежнимъ своимъ отечествомъ; 3) вліяніе такихъ личностей, какъ *Огрызко, Сѣраковскій, Калиновскій* и другіе. Я привожу эти причины потому, чтобы правительство уничтоженіемъ ихъ могло избѣжать слѣдствій, которыя одолѣваются труднѣе; я привожу ихъ еще потому, что только введеніемъ *коренной реформы* въ образованіе польской молодежи въ подвласт-

---

(*) Какое кощунство и извращеніе Божественнаго посланничества Спасителя!

(**) А имъ хотѣли еще дать для руководства Шедо-Ферроти и географію, составленную по польскимъ традиціямъ.

ныхъ ему провинціяхъ, правительство можетъ избавиться отъ политическихъ интригъ, направляемыхъ противъ него извнѣ."

Далѣе, разсматривая его показанія, мы находимъ: „Общество, къ которому я принадлежалъ въ то время, въ 1858—1860 годахъ, имѣло цѣль политическую, существовало подъ фирмою *централизаціи;* но съ какого времени— не знаю. Въ основаніи его лежала тройка; единицу составляетъ десятокъ, десятскій завѣдываетъ тройкою, каждый изъ тройки—двойкою; три двойки, тройка и десятскій составляли десятокъ; десятскій подчинялся тридесятскому, имѣвшему подъ собою трехъ десятскихъ; тридесятскими завѣдывалъ старшій, который былъ въ каждомъ городѣ, гдѣ было общество развито. Личность старшаго окружалась большою тайною. Каждый поступившій въ общество становился его членомъ. Обязанности члена были: 1) привлекать въ общество, сколько приходилось по занимаемому мѣсту: 2) жертвовать въ пользу общества 5% содержанія и 3) распространять пропаганду, соотвѣтственную цѣли общества" (*).

Въ 1860 году всѣ эти общества, достаточно пропитанныя польскимъ патріотизмомъ (катехизисомъ), были подчинены особо устроенному *центральному комитету,* который имѣлъ во всѣхъ городахъ, гдѣ было уже развито тайное общество, особое мѣстное *отдѣленіе* центральнаго комитета.

Объ этомъ одинъ сосланный на поселеніе политическій преступникъ выражается такъ:

(*) Въ показаніяхъ одного изъ членовъ централизаціи мы читаемъ: „сколько мнѣ помнится, въ Петербургѣ первымъ публичнымъ проявленіемъ пропаганды, по распоряженію централизаціи, были похороны *Шевченки.* На похоронахъ у этого врага поляковъ, читались рѣчи на разныхъ языкахъ, между прочимъ и на *польскомъ."*

„Послѣ того (въ 1860 г.) всѣ эти старшіе и все общество замѣнилось комитетомъ изъ нѣсколькихъ человѣкъ въ тѣхъ же самыхъ городахъ, и намъ объ этомъ было объявлено. Одинъ изъ главныхъ членовъ общества принесъ намъ распоряженіе отъ ржонда народоваго, что всѣ мы, записавшіеся въ общество, теперь находимся подъ вѣдѣніемъ комитетовъ, учрежденныхъ въ каждомъ городѣ. Вслѣдствіе этого мы должны были исполнять все, что намъ будетъ приказано или объявлено петербургскимъ комитетомъ.“

Первою заботою центральнаго комитета было устроить въ каждомъ городѣ правильныя сходки для того, чтобы проживающіе въ немъ поляки сблизились еще больше между собою. Эмиграція *по опыту* знала, что коль скоро начнутся сходки, неминуемо выступитъ на сцену столь свойственная полякамъ хвастливость, и они начнутъ кичиться и хвастаться одинъ передъ другимъ успѣхами своей пропаганды (*) и тѣмъ еще болѣе привлекутъ легковѣрныхъ, которые въ свою очередь будутъ тоже хвастать, и такимъ образомъ между ними будетъ рости и крѣпнуть увѣренность въ успѣхахъ затѣваемаго мятежа.

Кромѣ того по показаніямъ одного сужденнаго,

(*) Какъ образецъ хвастливости и самоодуренія поляковъ, привожу одно показаніе, въ которомъ говорится: „Изъ централизаціи (Кіевской) намъ обыкновенно писали о большихъ складкахъ, дѣлаемыхъ во всемъ краѣ и объ общемъ расположеніи всѣхъ классовъ въ пользу революціи, и это писали о тѣхъ мѣстахъ, гдѣ въ возстаніи приняли участіе сотни двѣ помѣщиковъ, гдѣ крестьяне дѣйствовали противъ возстанія самымъ энергическимъ образомъ.“

„цѣль подобныхъ собраній была еще та, что эмиграція старалась чрезъ посредство подобныхъ собраній подготовить молодежь къ возстанію и вмѣстѣ съ тѣмъ узнать приблизительно, какими силами можно будетъ располагать въ данный моментъ.“

Въ Петербургѣ, по распоряженію мѣстнаго комитета, эти собранія учреждены были въ квартирѣ офицеровъ, прикомандированныхъ къ академіи генеральнаго штаба: *Домбровскаго*, *Варавскаго*, *Гейденрейха* и *Станевича*, жившихъ тогда на офицерской улицѣ; сходки эти устроены были подъ *легальнымъ названіемъ литературныхъ вечеровъ*; объ этихъ собраніяхъ разстрѣлянный въ Казани поручикъ Черняк говоритъ:

„Устроено это общество было слѣдующимъ образомъ: Всѣ члены, сколько ихъ могло по кружкамъ собираться (изъ служащихъ и живущихъ въ Петербургѣ поляковъ), выбрали изъ среды себя, посредствомъ закрытой баллотировки, предсѣдателя и обѣщались исполнять въ моментъ возстанія безпрекословно всѣ полученныя чрезъ него распоряженія. Онъ же входилъ въ непосредственныя сношенія съ Варшавою и другими мѣстами и обязанъ былъ передавать намъ упомянутыя выше свѣдѣнія, собиралъ деньги и т. п.“

Самъ же президентъ, подтверждая все вышесказанное, говоритъ такъ:

„Собранія наши были открыты по мѣстному распоряженію и настоятельнымъ увѣщаніямъ капитана *Сѣраковскаго*, съ цѣлью сближенія польской молодежи, но какъ ихъ посѣщали принадлежавшіе уже къ тайному обществу, то они и приняли политическій характеръ. Со времени же демонстрацій, начавшихся въ Варша-

вѣ, они получили бурный характеръ (такъ и пахнетъ сеймомъ и слышится обыкновенное nie pozwalam); для возстановленія порядка, рѣшили избрать президента, посредствомъ свернутыхъ записокъ, на которыхъ каждый написалъ бы фамилію того, кого избираетъ; получившій большинство голосовъ долженъ былъ остаться президентомъ. Моя ли въ томъ вина, что выборъ палъ на меня? Впрочемъ президенство мое было болѣе номинальнымъ, нежели фактическимъ и порядка возстановить было невозможно" (liberum veto).

На эти собранія *Огрызко* и *Сѣраковскій* являлись только изрѣдка, дабы не слишкомъ компрометировать себя сношеніями съ болтливою молодежью; направленіе же этимъ собраніямъ они давали черезъ *Домбровскаго*, который былъ порученъ надзору *Огрызки* (*). *Домбровскій* же, вполнѣ понимая совѣтъ стараго эмигранта, во всѣхъ случаяхъ, когда надо было напечатать что либо или добыть шрифты для устраиваемой гдѣ либо тайной типографіи, всегда

(*) По показаніямъ *Огрызки*, онъ познакомился съ *Домбровскимъ* въ концѣ 1859 года, когда съ нимъ приходилъ къ нему прибывшій въ то время въ С.-Петербургъ, родственникъ его, одинъ эмигрантъ 1831 г., который говорилъ, что *Домбровскій* молодъ и уже слишкомъ горячъ и что его нужно сдерживать, и потому просилъ Огрызку имѣть за Домбровскимъ надзоръ, а *Домбровскому* совѣтовалъ бывать у него почаще. Кромѣ того надзору *Огрызки* былъ порученъ родителями почти въ тоже время одинъ изъ студентовъ, и *Огрызко*, какъ должно было ожидать, хорошо направилъ обоихъ: *Домбровскій* былъ начальникомъ революціоннаго военнаго кружка въ Варшавѣ, а помянутый выше студентъ—комисаромъ Могилевскаго воеводства.

обращался (*) къ наставнику и наблюдателю своему, какъ имѣющему собственную типографію, устроенную на русскія деньги, и, само собою, *Огрызко* не отказывалъ своему воспитаннику въ такой бездѣлицѣ.

И такимъ образомъ польская пропаганда распространялась все болѣе и болѣе. Поляки съ нетерпѣніемъ ожидали послѣдствій реформы 19 Февраля 1861 года, ибо, по ихъ предположенію, реформа эта не должна была обойтись спокойно: „*гдѣ нибудь да вспыхнетъ возстаніе, говорили они, охватитъ всю Россію, а мы воспользуемся этими безпорядками и начнемъ свое возстаніе*" (**).

Но ожиданіе ихъ не оправдалось, а между тѣмъ польская молодежь, подготовленная тайными обществами, не имѣла исхода своему патріотическому энтузіазму. Начались демонстраціи въ Царствѣ Польскомъ и во всемъ Западномъ краѣ, а революціонные комитеты, обнадеженные заграничною эмиграціею, всячески побуждали молодежь и женщинъ къ устройству демонстрацій, разсчитывая, что наступаетъ время для давно подготовляемаго возстанія. Рѣшено было привлечь къ дѣлу мятежа, при помощи рели-

---

(*) Показанія президента революціоннаго военнаго кружка и самаго *Огрызки*.

(**) Замѣчательно то, что поляки всегда сильно разсчитывали на *Панургово стадо*, какъ они на условномъ языкѣ называли всѣхъ полонофиловъ, полякующихъ и вообще пляшущихъ по ихъ дудкѣ и имъ сочувствующихъ Русскихъ.

гіозныхъ демонстрацій, остальныхъ поляковъ, еще колеблющихся, и завлечь побольше изъ русской молодежи въ „*Панургово стадо;*“ а потому всѣ, записавшіеся въ общество, такъ искусно пользовались сочиненіями *Герцена*, таинственно распространяя *этотъ запретный плодъ* между любопытною молодежью, что вскорѣ пріобрѣли себѣ сторонниковъ и между русскою молодежью, которая, подготовленная университетскими кружками, стала *записываться въ члены устраиваемой поляками централизаціи*, съ разными цѣлями: одни—съ цѣлью соединенія всѣхъ славянскихъ народовъ, другіе—съ цѣлью возстановленія Малороссіи третьи—съ цѣлью пропагандировать необходимость земскаго собранія, четвертые—съ цѣлью соціалистическою, пятые—съ цѣлью вообще революціонною. Поляки принимали всѣхъ въ Панургово стадо—и *космополитовъ*, и *нигилистовъ*, и *передовыхъ*—и всѣмъ обѣщали исполненіе ихъ желаній. При недостаткѣ общественнаго мнѣнія и гласности по всѣмъ польскимъ интригамъ, у насъ въ Россіи образовались *наши* космополиты и нигилисты, которые величаютъ себя *передовыми людьми*, а въ сущности это—*плохо воспитанная* молодежь, увлекающаяся іезуитскою пропагандою эмиграціи и вслѣдствіе этого, во имя цивилизаціи, общей справедливости, свободныхъ началъ, обособленія независимыхъ народностей, любви ко всему человѣчеству и другихъ гуманныхъ и болѣе или менѣе туманныхъ и не практическихъ теорій, становящаяся, съ спокойною совѣстью, съ убѣжденіемъ въ правотѣ

и нравственности поступка, въ ряды измѣнниковъ своей исторіи и своего отечества. На западѣ общества связаны патріотизмомъ и отступничество заклеймено позоромъ; русскіе же отступники величаютъ себя прогрессистами. Первыхъ павшихъ мятежниковъ нѣкоторые истинно русскіе люди, но увлеченные модными бреднями, считали мучениками. Господинъ *Костомаровъ* не говорилъ-ли въ Вильнѣ, не задолго до возстанія, польскихъ рѣчей и не ходилъ ли онъ *въ нерусскомъ костюмѣ въ угоду полякамъ и ихъ теоріямъ прогресса;* а попавъ разъ въ Панургово стадо, онъ долженъ былъ быть и въ костелѣ, когда въ Петербургѣ, по распоряженію комитета, пѣли революціонный гимнъ. Главные польскіе дѣятели сознавали, что лишь бы русскіе влѣзли въ члены тайнаго общества, а уже разъ войдя въ него, не скоро изъ него выпутаются; поляки надѣялись, по своей опытности въ интригѣ, одурачить вошедшихъ въ заговоръ и заставить ихъ работать по своему.

Вотъ какимъ образомъ русскій революціонный кружокъ получилъ начало солидарности съ польскимъ комитетомъ.—Когда же начались польскія демонстраціи, то нѣкоторые изъ членовъ этого тайнаго общества, увидѣвъ, куда стремятся ихъ коноводы, сейчасъ же отдѣлились отъ нихъ. Вотъ какъ говоритъ объ этомъ президентъ петербургскаго кружка:

„Партія хлопомановъ дѣйствовала сначала за-одно съ революціонной, *это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію;* она отдѣлилась послѣ, со времени открытія въ Кіевѣ де

монстрацій, и съ тѣхъ же поръ начали появляться статьи въ журналахъ противъ польскаго движенія въ Южной Россіи. *Антоновичъ* первый написалъ статью въ Основѣ, въ январѣ 1861 года, противъ польскаго движенія, но изъ централизаціи писали, что *Антоновичъ* отдѣлился только съ нѣсколькими человѣками, что партія хлопомановъ дѣйствуетъ все-таки за одно съ централизаціею. Что *Антоновичъ* дѣйствовалъ сначала за одно съ централизаціею, я знаю потому, что еще зимой 1860 года онъ пріѣзжалъ въ Петербургъ, былъ тамъ у *нѣкоторыхъ личностей* и у меня; привезъ мнѣ письмо (донесеніе) изъ централизаціи, разсказалъ, что во всемъ краѣ существуютъ общества, что во время контрактовъ проѣзжалъ изъ за-границы чрезъ Варшаву въ Кіевъ редакторъ Constitutionel'a, нѣкто Lévy, и собиралъ складки на польскіе легіоны, имѣющіе формироваться за границею и образовать кадръ будущей польской арміи. Послѣ я узналъ, что этотъ Lévy былъ не болѣе, какъ шарлатанъ, пользовавшійся легкомысліемъ и легковѣріемъ Поляковъ, собравшій нѣсколько тысячъ и, по отъѣздѣ за границу, употребившій ихъ въ свою пользу. *Антоновичъ* передалъ мнѣ адресы: *Киневича* *) въ Москвѣ; *Крашевскаго* въ Варшавѣ и *Далевскаго* **) въ Вильнѣ,—самъ же уѣхалъ въ Москву для того, чтобы переговорить съ Киневичемъ, поручивъ мнѣ самому войти въ прямыя сношенія съ *Крашевскимъ, Киневичемъ* и *Далевскимъ*."

Другіе же немногіе Русскіе, попавшіе въ кружокъ Поляковъ и ставъ послѣдователями *Герцена*, образовали свои тайныя общества, каковы напр. „Молодая Россія" и „Земля и Воля." Послѣднее общество Поляки взводили даже на степень русскаго революціоннаго комитета, такъ какъ оно до самаго конца шло рука

---

*) Разстрѣлянъ въ Казани.

**) Сосланъ въ каторжную работу.

объ руку съ польскимъ возстаніемъ, и комитетъ *Огрызки* всегда имѣлъ въ немъ своихъ агентовъ.

Въ 1861 году почти каждодневно петербургскій комитетъ получалъ извѣстія изъ разныхъ мѣстъ о демонстраціяхъ, «*въ которыхъ участвовали тысячи народа, о большихъ складкахъ, дѣлаемыхъ на пользу возстанія, и объ общемъ расположеніи всѣхъ сословій* (*!?*) *въ Россіи къ революціи,*» а потому *Огрызко* захотѣлъ убѣдиться на самомъ дѣлѣ, каково настроеніе общества въ сѣверо-западной Россіи. Вотъ какъ разсказываетъ объ этомъ Огрызко:

„Въ 1861 году, кажется, въ началѣ іюля мѣсяца, я пріѣзжалъ на нѣсколько дней въ Вильну; цѣль моей поѣздки состояла въ слѣдующемъ: Въ 1861 году директоръ департамента разныхъ податей и сборовъ Константинъ Карловичъ Гротъ предлагалъ мнѣ должность управляющаго питейно-акцизными сборами въ одной изъ сѣверо-западныхъ губерній, *по моему выбору;* хотя опредѣленіе на эти должности должно было послѣдовать только 1-го іюля 1862 года, но какъ успѣхъ новой системы питейныхъ сборовъ зависитъ *исключительно отъ удачнаго выбора людей,* которые должны были вести все дѣло, то тайный совѣтникъ Гротъ старался заблаговременно распредѣлить всѣ зависѣвшія отъ министерства финансовъ должности между лицами по его выбору, съ тѣмъ, чтобы предназначенные имъ управляющіе питейно-акцизными сборами имѣли возможность, до вступленія въ должность, пріискать должностныхъ лицъ, назначенныхъ по штату, число коихъ по всей Имперіи простиралось до полуторы тысячи человѣкъ. О бывшемъ уже въ то время волненіи умовъ, какъ въ Царствѣ Польскомъ, такъ и въ западныхъ губерніяхъ, *я зналъ,* но мнѣ неизвѣстно было, до какой степени оно на *самомъ дѣлѣ* сильно; потому, зная, что въ началѣ іюля 1861 года

долженъ былъ быть съѣздъ польскихъ помѣщиковъ въ Вильнѣ, я желалъ убѣдиться на мѣстѣ. *)

Далѣе *Огрызко* продолжаетъ:

«Въ Вильнѣ я видѣлъ въ то время многихъ изъ *моихъ* знакомыхъ, большею частію товарищей моихъ по университету или по гимназіи (тутъ Огрызко называетъ всѣхъ, съ кѣмъ онъ повидался, между которыми много уже сужденныхъ главныхъ польскихъ *столбовъ* мятежа), и въ этотъ пріѣздъ мнѣ дѣлаемы были предложенія принять участіе въ организаціи (ихъ мѣстной). Пробывъ въ Вильнѣ около недѣли, я возвратился въ Петербургъ. Хотя изъ всѣхъ разговоровъ моихъ въ Вильнѣ я пришелъ къ убѣжденію, что, принявъ должность управляющаго питейно-акцизными сборами въ одной изъ западныхъ губерній, мнѣ *невозможно будетъ не принять прямаго личнаго* участія въ революціонномъ движеніи (хорошъ, значитъ, былъ съѣздъ); но я просилъ тайнаго совѣтника Грота оставить вышесказанную должность, въ одной изъ западныхъ губерній, въ продолженіи нѣкотораго времени свободною.“

Огрызко, какъ настоящій Полякъ, желалъ возстановленія Польши, вслѣдствіе чего горячо и работалъ на пользу польской справы. Вотъ его собственныя выраженія:

„Родившись Полякомъ, я не переставалъ имъ быть никогда; объ этомъ извѣстно изъ литературной и издательской моей дѣятельности съ 1859 по 1864 годъ.“ *)

---

*) Въ Perpetuum mobile польскаго заговора! Ровно 51 годъ тому назадъ графъ Михаилъ *Огинскій*, призванный изъ заграницы, чтобы стать на мѣсто *Чарторыйскаго* во главѣ Поляковъ, работающихъ въ Петербургѣ,—былъ на съѣздѣ помѣщиковъ въ Вильнѣ, и тоже, *чтобъ убѣдиться на мѣстѣ.* На страницѣ 367 2-го тома Memoires de Michel Oginski мы читаемъ: En passant par Vilna (1810) sur la fin du mois de Mai j'y trouvais toute la noblesse réunie.

*) Точь въ точь и *Огинскій*, который въ 3 части, на страницѣ 31, своихъ мемуаровъ говоритъ: »J'ai toujours été bon Polonais, et je me fais gloire de n'avoir jamais cessé mériter ce nom.»

Издательская дѣятельность *Огрызки*, кромѣ изданія газеты „Słowo," въ глазахъ Поляковъ проявилась особенно рельефно возобновленнымъ и дополненнымъ имъ изданіемъ Піаровъ „Volumina legum," которое *Огрызко* выпустилъ въ устроенной на русскія деньги типографіи, какъ собраніе всѣхъ прежнихъ законовъ польскихъ, долженствовавшее, при возстановленіи Польши, служить тѣмъ же, чѣмъ служило для насъ общее собраніе законоположеній передъ изданіемъ нашего свода законовъ. Всѣ Поляки отдали должную справедливость трудамъ *Огрызки*, и его „Volumina legum" въ засѣданіи Виленской археологической коммиссіи, устроенной при Виленскомъ музеѣ древностей *для содѣйствія къ вящшему скрѣпленію узъ, соединяющихъ бывшія литовскія губерніи съ прежними областями Россіи*" были встрѣчены слѣдующею рѣчью!

„Читая любую конституцію (Рѣчи Посполитой), будто читаешь прекраснѣйшую молитву...... Мы должны заботиться о распространеніи этого изданія...... *оно не дастъ угаснуть* въ сердцахъ земляковъ отеческимъ преданіямъ...... Прочитывая страницы этого сочиненія, сердца земляковъ будутъ *ошляхтяться*......Благословенъ тотъ домъ, въ которомъ, если не будутъ читаться, то по крайней мѣрѣ, будутъ храниться „Volumina legum"...... Хвала же пану Іосафату Огрызкѣ. Предлагаю единодушно избрать его членомъ нашего общества."

Пріобрѣтя такимъ образомъ довѣренность земляковъ, *Огрызко* могъ руководить *ойчистою* литературою и всѣми непозволительными изданіями польской *легальной* прессы. Между захваченными у него бумагами мы находимъ разныя предложенія, въ родѣ слѣ-

дущаго письма отъ сосланныхъ за участіе въ послѣднемъ мятежѣ:

„Шановный панъ!“

«Важныя услуги, которыя панъ не перестаешь оказывать литературѣ *ойчистой*, побуждаютъ меня предложить свѣтлому взгляду шановнаго пана трудъ, который предпринятъ съ убѣжденіемъ, что *публика польска много пріобрѣтетъ изъ взглядовъ господина Чернышевскаго* на столь важные вопросы, обращающіеся въ современности. Сами переводчики не могутъ принять на себя издержки перевода...... Что касается условій, они желали бы, чтобы произведеніе, продаваемое по дешевымъ цѣнамъ, было доступно большинству...... Уступаютъ право изданія за 10 р. отъ печатаннаго листа (лишь бы окупилась бумага, переписка и пересылка)...... Они находятся въ изгнаніи въ Устюгѣ, чѣмъ лишены удовольствія непосредственныхъ сношеній съ паномъ.“......

Изданію этому помѣшалъ арестъ Огрызки.

Къ Огрызкѣ же, какъ *неперестающему оказывать важныя услуги литературѣ ойчистой*, обратился и докторъ *Янушкевичъ* (женатый на сестрѣ яраго *Малаховскаго*, бывшаго начальника г. Вильны и учредителя (*) жандармовъ вѣшателей въ Сѣверозападномъ краѣ) о напечатаніи въ 1863 году двумя изданіями въ 6000 экземплярахъ практическаго наставленія для повстанцевъ, о излѣченіи ранъ „o Ranach w ogólności“; брошюра эта, по показаніямъ самого *Огрызки*, назначалась для мятежническихъ шаекъ и была для этой цѣли отправлена въ варшавскій, ви-

---

*) Бѣжалъ послѣ неудачнаго покушенія на жизнь Виленскаго предводителя дворянства, Домейки.

ленскій и кіевскій комитеты. Такимъ образомъ Огрызко, *родившись Полякомъ, непереставалъ имъ быть никогда, что дѣйствительно и видно изъ литературной и издательской его дѣятельности съ 1859—64 годъ.*

Но, какъ человѣкъ умный и осторожный, онъ по временамъ не вполнѣ вѣрилъ въ успѣхъ возстанія, а потому и оставлялъ себѣ на всякій случай *тепленькое мѣстечко:* не равно, дескать, правительство рѣшительными мѣрами предупредитъ возстаніе, тогда *Огрызко*, служа въ сѣверо-западномъ краѣ, могъ бы опять продолжать польское дѣло и подготовить этотъ край къ возстанію въ *болѣе благопріятный моментъ.*

Въ концѣ 1861 года, убѣдившись, что возстаніе будетъ непремѣнно *устроено*, Огрызко, хотя и старался увѣрить себя въ томъ, что заграничныя державы окажутъ помощь Полякамъ, но все таки онъ не рѣшался подставить свою голову, принявъ участіе въ *мѣстной* виленской организаціи, куда его приглашали товарищи по университету, такъ какъ, находясь въ ней, было болѣе вѣроятія попасть въ руки правосудія, между тѣмъ какъ, стоя во главѣ петербургскаго революціоннаго движенія и прикрываясь *исправностью по службѣ и хорошимъ мнѣніемъ начальства,* можно было продолжать тайно содѣйствовать *своимъ* патріотамъ, а въ случаѣ мнимаго успѣха, скинуть маску и пожинать лавры *воскресителя Польши,* а потому говоритъ *Огрызко:*

„Въ концѣ 1861 года, я объявилъ К. К. Гроту, что не могу принять должности въ одной изъ западныхъ губер-

ній и что ѣхать на подобную же должность въ Россію — не желаю, а прошу его прикомандировать меня къ департаменту разныхъ податей и сборовъ, котораго онъ былъ директоромъ. На просьбу мою послѣдовало съ его стороны согласіе.“

И дѣйствительно, въ формулярномъ спискѣ значится:

«9-го ноября 1861 года переведенъ въ департаментъ разныхъ податей и сборовъ (нынѣ неокладныхъ сборовъ), а 24 ноября того же 1861 года, за *отлично усердную* службу, начальствомъ засвидѣтельствованную, получилъ единовременно 500 р.“

Такимъ образомъ Огрызко устраивался такъ, что на казенный счетъ даже покрылъ свои путевыя издержки при поѣздкѣ его на виленскій *сеймикъ*, на которомъ происходилъ выборъ губернскихъ представителей подъ фирмою *делегатовъ*. Эти делегаты должны были служить главною основою при проведеніи *Огрызкиными* друзьями революціонной организаціи. Эти же делегаты должны были вести легальную пропаганду, *) т. е.

„заботиться объ устройствѣ польскихъ школъ для крестьянъ, библіотекъ для польской молодежи, прекращать всѣ возможные иски и ссоры между помѣщиками и всячески стараться соединять Поляковъ въ одно цѣлое; установлять братства трезвости. Имъ дано было право именемъ общества дѣлать замѣчаніе всякому Поляку и, вмѣстѣ съ тѣмъ, они обязаны были составить подробныя вѣдомости обо всѣхъ зем-

---

*) Показаніе Якова *Гейштора*, Антона *Еленскаго* и князя *Гедройца*. Всѣ трое, члены виленскаго комитета сосланы въ каторжную работу.

левладѣльцахъ, изъ какихъ членовъ состоятъ ихъ семейства, кто сколько имѣетъ доходовъ съ имѣнія; сколько въ немъ крестьянъ и не имѣетъ ли кто какихъ нибудь особыхъ капиталовъ."

Въ началѣ марта 1862 года въ Познани происходили совѣщанія заграничныхъ двигателей польскаго дѣла, для обсужденія вопросовъ по предстоящему мятежу. На эти совѣщанія изъ Петербурга поѣхалъ *Огрызко*, который, по обыкновенію своему, устроился такъ, что на казенный счетъ былъ въ это время командированъ за границу по распоряженію начальства, „съ порученіемъ, по его выраженію, удостовѣриться „на мѣстѣ, будетъ ли заказъ 15000 стеклянныхъ спиртометровъ Траллеса выполненъ тамошними мастерами къ сроку." Въ эту поѣздку на заграничныя совѣщанія въ Познань, *Огрызко* окончательно повѣрилъ въ полное сочувствіе всѣхъ заграничныхъ державъ польскому дѣлу.

На возвратномъ пути изъ заграницы *Огрызко* видѣлся въ Вильнѣ съ своими университетскими товарищами и другими сочленами тогдашняго революціоннаго комитета: Францемъ *Далевскимъ* и *Звирждовскимъ* *) и, получивъ отъ нихъ свѣдѣнія, что край уже *готовъ къ возстанію*, онъ вернулся въ Петербургъ,

---

*) Капитанъ генеральнаго штаба, начальствовалъ въ могилевскомъ возстаніи подъ именемъ *Топора*, бѣжалъ за границу, потомъ изъ заграницы вернулся опять и командовалъ шайкою въ Царствѣ Польскомъ, пойманъ и повѣшенъ въ Апатовѣ.

рѣшившись приступить къ дѣйствію. По пріѣздѣ въ Петербургъ, онъ, какъ одинъ изъ главныхъ руководителей петербургскихъ революціонеровъ, вошедшихъ уже въ то время въ прямыя сношенія съ русскимъ революціоннымъ кружкомъ, занятъ былъ проведеніемъ повсемѣстной революціонной организаціи для предстоящаго возстанія, уже рѣшеннаго окончательно на заграничныхъ совѣщаніяхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, по обязанности службы, онъ долженъ былъ содѣйствовать къ проведенію новой питейно-акцизной системы. Огрызко, такъ сказать, *сидѣлъ на двухъ стульяхъ* и долженъ былъ проводить одновременно двѣ системы или организаціи: одну—революціонную, другую—питейно-акцизную, и онъ, какъ настоящій Полякъ, по своему воспользовался этимъ. Всячески старался онъ, хотя въ нѣкоторыхъ личностяхъ, соединить, какъ самъ соединялъ въ себѣ, эти противуположныя обязанности: *соблюдать интересъ казны и наносить ей возможно большій вредъ*. *Огрызко* говоритъ объ этомъ между прочимъ слѣдующее:

„Такъ какъ я принималъ дѣятельное участіе въ занятіяхъ къ успѣшному проведенію новой системы питейныхъ сборовъ и въ назначеніи на новыя должности, то директоръ департамента Константинъ Карловичъ Гротъ, руководившій этимъ дѣломъ, сомнѣвался первое время въ возможности пріисканія такого числа лицъ въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Еще болѣе казалось затруднительнымъ пріискать такихъ людей для сѣверо-западныхъ губерній, какъ потому, что должностныя лица акцизнаго вѣдомства обязаны были тамъ имѣть дѣла съ винокуренными заводчиками, большею частію польскаго происхож-

денія (! ?), такъ и потому въ особенности, что изъ лицъ русскаго происхожденія весьма мало было охотниковъ (? !) для занятія должностей въ этихъ губерніяхъ. Поэтому тайный совѣтникъ Гротъ, зная, что я имѣю знакомыхъ въ этихъ губерніяхъ, поручилъ мнѣ переговорить съ ними (назначаемыми въ этотъ край) по этому предмету; я же, съ своей стороны, назвавъ имъ нѣсколько фамилій *) указалъ имъ на бывшихъ моихъ товарищей по университету *Оскерку* и Якова *Гейштора* **), сказавъ, что кого они рекомендуютъ, за тѣхъ я ручаюсь."

Переписка и бумаги, находящіяся въ рукахъ коммиссіи, объясняютъ, какого рода личности были назначаемы *Огрызкою* въ сѣверо-западный край. Для примѣра приведу 2 письма его къ *Оскеркѣ*, по которымъ еще въ 1863 году производились разслѣдованія:

„Податель этой записки М. М. назначенъ г. министромъ финансовъ *по моему совѣту;* онъ хочетъ съ тобою познакомиться. Прійми его, какъ слѣдуетъ, (какъ наилучше) и ни въ чемъ не отказывай, о чемъ просить будетъ; М. М. человѣкъ справедливый въ отношеніи насъ и имѣющій самыя лучшія намѣренія. Онъ будетъ просить о рекомендаціи людей на должности по акцизу; я указалъ ему *только двухъ*: *Чепелинскаго* (исключенъ по неблагонадежности) и *Укліевскаго;* назови ему *прочихъ*, только такихъ, которые не *предадутъ*. Не слѣдуетъ ли назвать *Веригу* (былъ тогда уже членомъ комитета; сосланъ въ каторжную работу) *Фолькенгогена* и *Клечковскаго* (его фамилія встрѣтится

---

*) Которыя уже давно попались въ алфавитъ слѣдственныхъ политическихъ коммиссій.

**) Александръ *Оскерко* и Яковъ *Гейшторъ* были оба членами zarządzającego prowincjami na Litwe oddziała (Отдѣла управляющаго провинціями на Литвѣ.) Послѣдній былъ даже предсѣдателемъ отдѣла;— оба суждены въ каторжную работу.

ниже; бѣжалъ). Съ тою же просьбою обратится къ тебѣ и П. П., прими его хорошо и назови тѣхъ, кого считаешь необходимымъ; я назвалъ ему *тоже двухъ*. Въ концѣ іюня буду въ Вильнѣ."—Или:

„Податель сего письма старый Декабристъ; на сколько могу полагать, этотъ человѣкъ *большой намъ другъ* и имѣетъ наилучшія намѣренія; онъ будетъ просить объ указаніи нѣсколькихъ лицъ на должности; рекомендуй ему тѣхъ, на кого *падаетъ* рекомендація, т. е. за *благоразуміе* которыхъ ручаешься. Я рекомендовалъ ему *тоже двухъ: Гундіуса* и *Гинейку* (оба сосланы въ каторжную работу). Прими его какъ слѣдуетъ и дай записку къ *Гейштору*."

Кромѣ того въ захваченной перепискѣ есть письма съ заявленіемъ *Огрызкѣ* чувствъ благодарности за то, что онъ *своимъ старается дать мѣста* съ хорошимъ содержаніемъ.

И такимъ образомъ въ каждой губерніи по крайней мѣрѣ двухъ своихъ *большихъ друзей* *) *Огрызко* помѣстилъ на казенномъ содержаніи. Черезъ посредство этихъ *большихъ друзей* онъ надѣялся получать вѣрныя свѣдѣнія о положеніи общества въ революціонномъ отношеніи, а условная корреспонденція, въ видѣ счетовъ, облегчала сношенія. Для того же,

---

*) Въ № 20 газеты «Голосъ» господину Меркулову было интересно знать, какому эту „*нашему дѣлу*" сочувствовали назначаемые, *по совѣту Огрызки, его большіе друзья?* На это я скажу только то, что какъ *Огрызко*, такъ и *Оскерко*, вмѣстѣ со всѣми *своими большими друзьями*, еще съ 1849 года работали на пользу *польской справы*, которую и считали *своимъ* дѣломъ, за что и сосланы оба въ каторжную работу.

чтобы узнать настроеніе общества внутри Россіи, онъ съѣздилъ по казенной надобности, какъ онъ самъ выражается:

1.) „въ іюнѣ 1862 года, въ Костромскую губернію для разсмотрѣнія на мѣстѣ дѣлъ питейнаго отдѣленія Костромской казенной палаты по Макарьевскому и Юрьевскому откупамъ; 2.) въ сентябрѣ въ Смоленскъ *) для дополнительнаго заподряда на тотъ годъ вина для Смоленской губерніи; 3.) въ концѣ октября въ Землю Войска Донскаго, для соображенія, была ли надобность въ заготовленіи для тамошняго края на 1863 года 600 т. ведеръ вина, какъ доносилъ тамошній управляющій, и если была дѣйствительно надобность, то для заподряда онаго въ томъ количествѣ, какое я признаю нужнымъ; я представилъ, что въ заподрядѣ вина, по моему соображенію, не было надобности, не смотря на то, что управленіе боялось, что произойдутъ отъ этого безпорядки въ народѣ; но соображеніе это оказалось вѣрнымъ, а ожиданіе безпорядковъ въ народѣ ошибочнымъ.“ **)

Вернувшись изъ путешествія по Россіи и довольный своими путевыми впечатлѣніями и донесеніями своихъ корреспондентовъ, *Огрызко*, пріѣхавъ въ Пе-

---

*) Пользуясь этою командировкою, *Огрызко* побывалъ въ Варшавѣ и Вильнѣ для совѣщаній столь важныхъ, что писали изъ Петербурга къ А. *Оскерко*: «сообщаю тебѣ, что онъ (Огрызко) предполагаетъ выѣхать изъ Петербурга 5-го сентября; не думаю, чтобы это число было положительно вѣрно, хотя онъ *грозитъ*, что выйдетъ въ отставку, если его къ тому времени не отпустятъ въ Варшаву; но всегда лучше тебѣ быть заблаговременно предупрежденнымъ.» Желаніе его исполнилось еще лучше: онъ получилъ командировку на казенный счетъ въ Смоленскъ.

**) Захваченная переписка показываетъ, что онъ и тамъ надѣялся пріискать себѣ между старообрядцами *сотрудниковъ* и *корреспондентовъ* революціонной справы; но онъ ошибся, ибо Донцы ловко проучили тѣхъ, кто заикнулся о мятежѣ противъ Государя.

тербургъ, засталъ тамъ присланнаго отъ Варшавскаго ржонда *Подлевскаго*, *), пріѣхавшаго съ порученіемъ соединить русскихъ заговорщиковъ и *либераловъ* и сформировать изъ нихъ комитетъ. *Подлевскій* былъ командированъ ржондомъ потому, что въ 1862 году, т. е. когда польскія демонстраціи уже объяснили окончательно замыслы Поляковъ и когда русскіе студенты и молодежь, подъуськиваемая поляками, начали тоже устраивать разныя университетскія демонстраціи, панихиды по убитымъ и разстрѣляннымъ, въ Варшавѣ, и такимъ образомъ заявили Полякамъ свое сочувствіе,—Варшавскій ржондъ, довольный успѣхомъ своей пропаганды, хотѣлъ втянуть Русскихъ глубже въ дѣло заговора, чтобы имѣть, во первыхъ, сотрудниковъ, которыхъ не будутъ подозрѣвать, а во вторыхъ, чтобы имѣть возможность, выставлять имена этихъ *анти-русскихъ* патріотовъ, какъ доказательство *общаго сочувствія всѣхъ* (?!!) *Русскихъ къ польскимъ замысламъ*. Интрига эта, къ стыду нашему, удалась, и между Русскими нашлись такіе, которые стали *обезьянничать* съ польскаго комитета, плодомъ чего и явился *Каракозовъ*.

Въ доказательство же солидарности всѣхъ безпорядковъ и несчастій, бывшихъ въ Петербургѣ съ

---

*) Офицеръ гвардейской конной артиллеріи; разстрѣлянъ; пріѣзжалъ въ Петербургъ подъ именемъ графа Матусевича.

польскимъ мятежемъ, могутъ служить захваченныя въ разное время письма и черновые на нихъ отвѣты, попавшіеся въ руки слѣдственныхъ коммиссій. Для поясненія той *опеки*, которую на себя взяли Поляки, чтобы устраивать у насъ безпорядки, вовлекать въ нихъ молодежъ и потомъ руководить попавшими *въ западню либерализма* по своему усмотрѣнію, приведу письмо капитана Людвига *Жвирждовскаго* *), бывшаго тогда уже членомъ Виленскаго комитета, къ Александру *Гутри*, главному двигателю польскихъ дѣлъ въ Познани **).

„Г. Вильна 25 ноября (5 декаб.) 1861 г. *Александръ*.

„Пользуюсь случаемъ, чтобы передать вамъ нѣсколько словъ и получить отъ васъ вѣсти. Податель сего письма, Викентій *Козелъ* ***), бывшій инженерный поручикъ, котораго я вамъ рекомендую съ хорошей стороны. Онъ можетъ васъ ознакомить съ *мѣстными* событіями; прилагаю вамъ программу вопросовъ, которые вы можете ему сдѣлать:

---

*) Капитанъ Людвигъ *Жвирждовскій* былъ адъютантомъ въ штабѣ Виленскаго генералъ-губернатора; онъ умѣлъ до того вкрасться въ довѣріе къ своему начальству, что оно не вѣрило даже въ возможность его участія въ политическихъ дѣлахъ; даже *оффиціальное увѣдомленіе, что онъ соучастникъ съ Домбровскимъ*, не могло поколебать *неограниченной* довѣрчивости къ нему начальства.

**) Всякій изъ читающихъ пойметъ, что такъ какъ время бывшихъ безпорядковъ еще такъ не далеко, то и нельзя обнародовать всѣхъ документовъ, и я привожу только тѣ изъ нихъ, безъ которыхъ обойтись нельзя, но которые могутъ дать понять о томъ вредномъ вліяніи, какое имѣютъ Поляки, служащіе у насъ въ Россіи.

***) *Убитъ въ шайкѣ*.

„1) Безпорядки въ университетахъ, ихъ причины и предшествовавшія событія въ Петербургѣ и Москвѣ.

„2) Депутаціи и возвращеніе Государя съ Кавказа въ Петербургъ.

„3) Дѣла Виленской гимназіи.

„4) Коммиссіи въ Минскѣ.

„5) Дизлокаціи войскъ по городамъ и уѣздамъ.

„6) Увольненіе и переводъ офицеровъ польскихъ уроженцевъ.

„7) Способы читать и писать.

„Остальныя свѣдѣнія могутъ быть вамъ со всею подробностію переданы вручителемъ письма; но вамъ не нужно его посвящать въ тайну. Въ январѣ или февралѣ, вѣроятно, я пріѣду за границу. *Людвикъ*."

Къ несчастію, мы не вправѣ помѣстить здѣсь всей переписки *Жвирждовскаго*, пересланной черезъ офицера гвардейской конной артилеріи *Коссовскаго* *) и другихъ, ѣздившихъ за границу. Но и приведенное нами письмо показываетъ, что послѣдователи польскаго катехизиса ловко обращали насъ, Русскихъ, сначала въ панургово стадо, а потомъ изъ него уже вербовали въ дѣло заговора. Эмиграція вела свою интригу въ началѣ съ большимъ успѣхомъ, такъ, что ряды Русскихъ, сочувствующихъ полякамъ, сильно увеличивались. Не только между коренными Русскими Поляки вербовали себѣ сотрудниковъ, они ихъ искали между *всѣми* русскими подданными, и *петербургскіе друзья революціи* сильно работали на пользу польской справы; работа ихъ шла такъ удач-

---

*) Поручикъ гвардейской конной артиллеріи; сужденъ въ Сибирь на поселеніе.

но, что дала впослѣдствіи возможность *Бакунину* написать слѣдующее письмо къ одному изъ членовъ ржонда:

,,Изъ вашего письма я заключаю, что для меня еще не настало время ѣхать въ Польшу; но я не хочу и не могу отказаться отъ этого плана, который принадлежитъ къ драгоцѣннѣйшимъ надеждамъ всей моей жизни. Для его исполненія я долженъ быть предварительно увѣренъ, что моего пріѣзда желаютъ въ Польшѣ; но напрасно я адресовался бы, по этому предмету, къ моимъ друзьямъ бывшаго польскаго центральнаго комитета: онъ былъ довольно плохой корреспондентъ даже и предъ революціей; теперь же онъ долженъ быть погруженъ въ дѣла по горло. Кромѣ того мнѣ неизвѣстно, остались ли членами мнѣ знакомые. Пишу къ Лангевичу, котораго я знаю и высоко цѣню; пишу ему о содѣйствіи и о той симпатіи, на которой я преимущественно основываю мои ожиданія. Прошу васъ переслать къ нему мое письмо возможно скорѣе. Покамѣстъ я поѣду въ Стокгольмъ, чтобы тамъ ожидать лучшихъ вѣстей и *употреблю всѣ мои усилія, чтобы произвести движеніе въ Финляндіи, котораго не только мы желаемъ, но желаютъ вмѣстѣ съ нами и наши петербургскіе друзья.* Если движеніе въ Польшѣ продолжится еще съ мѣсяцъ или съ два, то почитаю дѣло вполнѣ выиграннымъ. Позвольте мнѣ высказаться откровенно: по извѣстіямъ, нами полученнымъ въ Лондонѣ, познанскіе дипломаты гораздо болѣе довѣряютъ дипломатіи и иноземной помощи западныхъ дворовъ, чѣмъ собственнымъ силамъ польской революціи; но для того, чтобы дипломатія для насъ работала, необходимо, чтобы польское движеніе себя показало почти единогласнымъ и серіознымъ, и въ особенности, чтобы оно продержалось нѣсколько времени. Если постигнетъ то бѣдствіе, что оно будетъ подавлено въ нѣсколько дней, то вы не пріобрѣтете ничего, или пріобрѣтете весьма мало. Я полагаю Поляковъ патріотами; всѣ, къ какого бы цвѣта партіямъ они ни принадлежали, должны желать про-

долженія начатаго революцiннаго движенія, должны содѣйствовать тому всѣми своими средствами. Что до меня касается, то я вполнѣ убѣжденъ, что если движеніе продержится одинъ только мѣсяцъ, то *будетъ полная побѣда, потому что подъ русское правительство подведены мины (?), а оно почитаетъ себя прочнымъ.* На этомъ основаніи, я вовсе не досадую, что имѣю одну или двѣ недѣли передъ собою, чтобы побывать въ Стокгольмѣ. *Если мнѣ удастся раззадорить честолюбивыхъ господъ въ Швеціи на движеніе въ Финляндіи, то я почту себя совершенно счастливымъ и довольнымъ. Дѣйствія подобной диверсіи на русское правительство, на Европу, на всю Россію будутъ страшныя.* Но я хочу и я долженъ быть въ Польшѣ.

„Знаете ли вы, что центральный комитетъ въ Варшавѣ, сдѣлалъ плачевную ошибку: *въ то время, когда цѣлыя роты русской пѣхоты (?!?!) хотѣли присягнуть нашему знамени „Земля и Воля" и только ждали польскаго возстанія, чтобы къ нему присоединиться, поляки на нихъ напали и разрушили разомъ драгоцѣнную работу цѣлаго года.* Теперь онѣ считаютъ себя предательски обманутыми и ихъ нельзя возвратить на прежнюю дорогу; *но дабы пріобрѣсть для инсуррекціоннаго движенія прочное основаніе, нужно сформировать русскій революціонный легіонъ, дѣйствуя на плѣнныхъ, которые будутъ вами набираемы.* (?) Начало подобнаго легіона несомнѣнно будетъ сопряжено съ величайшими затрудненіями, но преодолѣвъ ихъ однажды, я вполнѣ надѣюсь, что примѣръ будетъ дѣйствовать и дѣло пойдетъ далѣе само собою. Польза подобнаго легіона будетъ для всѣхъ насъ разительная. Дабы предпринять это дѣло, я долженъ быть предварительно увѣренъ въ полной симпатіи и содѣйствіи одного изъ польскихъ военачальниковъ, у котораго на то есть добрая воля и власть; потому я пишу къ Лангевичу, котораго я знаю. Надѣюсь, что вы употребите все, что отъ васъ зависитъ, чтобы ему скорѣе доставить это письмо, а мнѣ его отвѣтъ. *Не теряйте духа, дѣла уже пошли*

не дурно; станемъ крѣпко держаться до конца и воскликнемъ: да здравствуетъ революція!"

Когда начались пожары въ Петербургѣ, то многіе изъ увлекавшихся разными нелѣпыми тенденціями до того, что записались въ члены революціонной централизаціи, увидѣли ясно, куда ведутъ ихъ поляки; опомнились и бросили свои *завиральныя идеи,* стыдясь кому либо признаться, что они были такъ недальнозорки, что не видѣли, куда втягивала ихъ дружба поляковъ въ компаніи съ Герценомъ. Тѣ же, у которыхъ заблужденіе было сильнѣе и которые болѣе подпали подъ вліяніе польской интриги, тѣ, по совѣту и настоянію *Подлевскаго,* соединились въ одно общество подъ фирмою „*Центральный народный (?!) русскій комитетъ*", девизомъ котораго было: „Земля и Воля."

Главный членъ Варшавскаго ржонда говоритъ объ этомъ слѣдующее:

„До самаго выѣзда *Подлевскаго* *) въ Петербургъ, въ началѣ декабря 1862 года, или въ концѣ ноября, не было никакихъ прямыхъ сношеній между центральнымъ комитетомъ Варшавскимъ и заговоромъ русскимъ, отчасти потому, что *Домбровскій* увѣрялъ, что онъ самъ сдѣлаетъ все, что только будетъ можно въ этомъ отношеніи;

---

*) *Подлевскій,* въ товарищѣ и пріятелѣ своемъ, князѣ *Трубецкомъ,* какъ корреспондентѣ „Колокола," встрѣтилъ большую помощь. *Трубецкой,* получивъ письмо отъ Гарибальди, въ которомъ этотъ генералъ благодаритъ *Трубецкаго* за обученіе его артиллеріи, сталъ въ глазахъ молодежи *прогрессистомъ.*

главное же, думаю, потому, что, вѣроятно, не было еще тогда, т. е. до осени 1862 года, ни русскаго заговора, ни русскаго главнаго комитета. Наконецъ, центральный, камитетъ поручилъ *Подлевскому,* чтобы онъ, на основаніи полномочія и рекомендаціи *Герцена* и *Бакунина* вошелъ въ сношенія съ русскими революціонерами и лично убѣдился въ настоящемъ положеніи революціонерныхъ намѣреній и усилій въ Россіи. Посредникомъ между *Подлевскимъ* и главами русскаго заговора долженъ былъ быть петербургскій польскій комитетъ. Кромѣ же того *Подлевскій* имѣлъ данный *Искандеромъ* адресъ одного довѣреннаго лица и отзывъ къ нему. Послѣ возвращенія своего *Подлевскій* объявилъ, что въ самомъ дѣлѣ русскіе революціонеры въ послѣднее время образовали центральный народный русскій комитетъ и стремятся къ революціи въ Россіи, но что комитетъ этотъ находится только *въ началѣ* своихъ дѣйствій и *организація* его слишкомъ слаба и незначительна, по собственнымъ словамъ членовъ Петербургскаго комитета; что русскій комитетъ не опредѣлилъ до сихъ поръ *срока революціи и въ настоящее время даже приблизительно опредѣлить его не можетъ.* Во всякомъ случаѣ, лица, съ которыми онъ входилъ въ сношенія, откровенно объявили ему, что революція въ Россіи прежде лѣта 1863 года невозможна, что русскій комитетъ *преохотно* соглашается быть въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Варшавою и обѣщаетъ *всякую* съ своей стороны помощь нашимъ революціоннымъ дѣйствіямъ; что русскій комитетъ проситъ насъ не возставать раньше лѣта 1863 года, но съ тѣмъ вмѣстѣ обѣщалъ *всякую* съ своей стороны помощь въ случаѣ, если обстоятельства принудятъ насъ возстать раньше,—именно, обѣщали, хотя въ словахъ очень двусмысленныхъ и неопредѣленныхъ, сдѣлать движеніе революціонное на Уралѣ, гдѣ будтобы *революціонная организація* была больше развита и болѣе прочна. Изъ этого всего центральный комитетъ Варшавскій пришелъ къ убѣждечію, что заговоръ въ Россіи очень слабъ и, по словамъ *Подлевскаго, онъ* (коми-

тетъ) *болѣе подражаетъ польскому комитету и скорѣе минутное, искусственное предпріятіе, нежели натуральное и прочное стремленіе большей, или даже хоть меньшей части русскаго общества.* Почти тоже самое, что представилъ *Подлевскій*, сказано было въ привезенной имъ съ собою корреспонденціи центральнаго русскаго комитета, писанной пофранцузски. Лица, исчисленныя *Подлевскимъ*, какъ болѣе вліятельные члены русскаго комитета, который состоялъ изъ пяти членовъ...." (Изъ нихъ назову только *Утина* и *Михайлова:* 1-й бѣжалъ, а 2-й сосланъ въ каторжную работу).

Одинъ изъ сотрудниковъ *Огрызки*, чрезъ котораго онъ больше всего имѣлъ сношеніе съ русскими революціонерами, говоритъ:

„Знаю отъ *Утина*, что въ ея составъ (т. е. революціонной организаціи) вошли лица, *высоко поставленныя* въ обществѣ, а есть даже *лица, занимающія довольно важныя должности.*"

И такъ, вернувшись изъ путешествія по Россіи въ началѣ января 1863 года и довольный своими путевыми впечатлѣніями и результатомъ своихъ совѣщаній съ *Подлевскимъ*, *Огрызко* рѣшился принять даже *оффиціальную должность* въ мятежѣ; а потому Вацлавъ *Пржибыльскій* *) донесъ объ этомъ рѣшеніи въ центральный комитетъ, членъ котораго *Бобровскій* **) не замедлилъ выслать *Огрызкѣ* номинацію на должность *главнаго агента ржонда народоваго въ Петербургѣ* и присвоенную этому мѣсту

---

*) Бѣжалъ.

**) Убитъ на дуэли съ *Грабовскимъ* по поводу диктатуры *Лангевича*.

печать съ надписью „Отдѣлъ заграничный С.-Петербургскій.“ Вмѣстѣ съ номинаціею прислано было *Огрызкѣ* приказаніе приступить окончательно къ приготовленіямъ и къ высылкѣ молодежи въ шайки.

Одинъ изъ сужденныхъ уже дезертировъ говоритъ объ этомъ, между прочимъ, такъ:

„Еще въ началѣ февраля пришелъ приказъ (изъ ржонда народоваго), что назначается (главнымъ коммисаромъ) *Огрызко*, имѣющій свою типографію, и чтобы къ 1 марта приготовились бы всѣ къ отъѣзду; вслѣдствіе этого я подалъ прошеніе, чтобы меня отчислили отъ академіи.“

Въ показаніи же, данномъ членомъ главнаго Варшавскаго комитета, мы находимъ слѣдующее:

„Во время моего отсутствія изъ Варшавы, по представленію Виленскаго комитета, а въ особенности его уполномоченнаго Вацлава *Пржибыльскаго* (секретарь Литвы при революціонномъ правительствѣ) онъ, *Огрызко*, получилъ назначеніе отъ *Бобровскаго* быть главнымъ агентомъ центральнаго *народоваго правительства* (?!) въ С.-Петербургѣ. Назначеніе Огрызки быть агентомъ въ Петербургѣ послѣдовало *не позже* второй половины февраля мѣсяца 1863 года новаго стиля; ближе дня назначенія обозначить немогу.“

Самъ же *Огрызко* въ своемъ показаніи говоритъ такъ:

„Придя къ тому убѣжденію, что запирательсво съ моей стороны было бы лишнее и что отъ этого могли бы только пострадать невинные по какимъ либо не точнымъ показаніямъ, я рѣшаюсь высказать совершенно чистосердечно мое участіе въ дѣлѣ послѣдняго мятежа. Въ концѣ

февраля или въ половинѣ марта 1863 года *дѣйствительно была принята мною должность революціоннаго агента въ Петербургѣ...*"

Въ этомъ случаѣ *Огрызко*, болѣе всѣхъ другихъ поляковъ, представляетъ собою обращикъ послѣдователей польскаго катехизиса, такъ напримѣръ: замышляя принять *мандатъ* на должность революціоннаго намѣстника, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ удвоиваетъ свои старанія по службѣ и достигаетъ того, что въ февралѣ 1863 года ему поручается управленіе *тремя отдѣленіями департамента на правахъ вице-директора*. Это показываетъ, что ни одно учрежденіе, какъ бы современно оно ни было, не можетъ избавиться отъ *разныхъ Огрызокъ*, которые подобно *фистулѣ*, точатъ нашъ государственный организмъ и, прикрываясь легальнымъ исполненіемъ своей обязанности и наружною честностью убѣжденій, ловко заставляютъ себя считать исключеніемъ изъ общаго числа *послѣдователей польскаго катехизиса*.

Окрѣпнувъ такимъ образомъ на служебномъ поприщѣ, *Огрызко* принялся за исполненіе приказаній ржонда народоваго и, какъ самъ говоритъ:

„На другой же день по полученіи *номинаціи* (такіе то) дѣйствительно пришли ко мнѣ. *Пржибыльскій* объявилъ имъ при мнѣ, что центральный комитетъ назначилъ меня агентомъ въ Петербургѣ, при чемъ была показана имъ помянутая выше номинація, что они обязаны вести все дѣло по прежнему, въ случаѣ надобности обращались бы ко мнѣ за совѣтомъ и что *чрезъ меня будутъ они получать приказанія отъ центральнаго комитета къ исполненію*. Послѣ чего, назначивъ день для свиданія и окончательныхъ

переговоровъ, всѣ они отъ меня ушли, а на другой *Пржибыльскій* отправился въ Варшаву, увѣренный, что бразды революціоннаго правленія находятся въ Петербургѣ въ хорошихъ рукахъ Іосафата *Огрызки*, вполнѣ достойныхъ подземнаго правительства. *)

Огрызко же, *отлично-усердно* взялся за свою новую революціонную обязанность, и дѣятельность закипѣла. Сей-часъ же были усилены сборы денегъ съ проживающихъ въ Петербургѣ поляковъ и предупреждены всѣ офицеры и другая молодежь, на увлеченіе которой можно было расчитывать.

„Помню, еще говоритъ одинъ изъ членовъ Варшавскаго народоваго правительства, что *Пржибыльскій* посылалъ *Огрызкѣ* облигаціи, авизаціи и квитанціи для сбора подати, постановленной *революціоннымъ правительствомъ* (? !?) между польскими жителями С. Петербурга. **) Денегъ однакоже *Огрызко* въ Варшаву никогда не присылалъ; всю собираемую сумму израсходовалъ онъ или на необходимыя въ С. Петербургѣ издержки (напримѣръ: отправку офицеровъ, покупку для нихъ оружія и прочее), или же отсылалъ ихъ въ Вильну.“

Огрызко же, подтверждая это вполнѣ, говоритъ между прочимъ:

„Я рѣшаюсь высказать совершенно чистосердечно, что квитанціи для сбора съ поляковъ денегъ въ Петербургѣ дѣйствительно были получены мною....“

Въ прямое прикосновеніе съ обществомъ поляковъ

---

*) Не даромъ же у Огрызки былъ патрономъ Іосафатъ Кунцевичъ.

**) Podatku Narodowego, Ofiary, Ogólnéj Narodowéj Pożycki; облигаціи послѣдней были разной цѣнности: 100, 500, 1000 и 5000 злотыхъ одинъ билетъ

въ Петербургѣ комитетъ приходилъ чрезъ посредство нѣсколькихъ офицеровъ и чиновниковъ, болѣе ярыхъ революціонеровъ Петербургскаго кружка, изъ которыхъ, по разъ принятому мною правилу, называть только уже сужденныхъ или бѣжавшихъ, назову прапорщика военныхъ инженеровъ Эмануила *Юндзилла* и чиновника Ѳаддея Виталя *Опоцкаго.* *) Имъ выдалъ *Огрызко* квитанціи для сбора усиленной подати и добровольныхъ пожертвованій и чрезъ нихъ собственно и производилась комитетомъ вербовка повстанцевъ и снабженіе ихъ оружіемъ, деньгами, фальшивыми паспортами и адресомъ **) того члена мѣстной организаціи, къ которому отправляющійся долженъ былъ явиться по прибытіи на мѣсто дѣйствія. Это дѣлалось такъ ловко, что *главные дѣятели* долго оставались неизвѣстными; оттого-то и *Огрызко* былъ арестованъ только въ ноябрѣ 1864 года. Вотъ какъ говоритъ объ этомъ одинъ изъ офицеровъ, который былъ отправленъ изъ Петербурга въ шайку:

„Главныхъ дѣятелей мы не знали, а въ Петербургѣ подъ именемъ комитета считали..... (Изъ поименованныхъ назову:

---

*) Оба бѣжали: первый изъ 2-го Сухопутнаго госпиталя, въ которомъ онъ содержался подъ арестомъ. Онъ бѣжалъ въ то время, когда его намѣрены были отправить въ Вильну.

**) *Огрызко* говоритъ такъ: „Александръ *Оскерко*, бывшій членомъ Виленскаго комитета, привезъ мнѣ около 20-ти адресовъ принадлежавшихъ къ организаціи лицъ, съ тѣмъ, чтобы отправляющіеся въ партіи офицеры знали, къ кому могутъ обратиться по прибытіи на мѣсто.“

поручика гвардейской конной артиллеріи Владислава *Коссовскаго*, поручика инженеровъ Эмануила *Юндзила* и чиновника Виталія *Опоцкаго*.) У Юндзила собирались въ назначенные для того часы тѣ, которые имѣли какое нибудь дѣло, т. е. нѣкоторые приносили собранныя деньги, другіе приходили за квитанціями (для сбора по нимъ денегъ), или же просто приходили, чтобы получить какое нибудь приказаніе. Обыкновенно сходилось нѣсколько человѣкъ, часто незнакомыхъ между собою, и общество оставалось въ первой комнатѣ. *Юндзилъ* по одному вызывалъ къ себѣ въ другую комнату; тамъ каждый ему говорилъ, что ему нужно. Особенно въ послѣднее время, т. е. когда начали выѣзжать въ возстаніе и когда многимъ нужны были свидѣтельства, паспорты или казенныя подорожныя, равно деньги на проѣздъ, покупку револьверовъ,—въ это время многіе заходили къ *Юндзилу*, котораго рѣдко заставали дома; но всякій разъ *Юндзилъ* оставлялъ записку, въ которомъ часу онъ вернется. Тогда всѣ въ назначенный часъ собирались."

Это же подтверждаетъ и *Огрызко*, говоря:

„Революціонныя дѣйствія ихъ *) состояли: 1) въ сборѣ денегъ по находившимся у нихъ квитанціямъ; 2) въ оказываніи пособія офицерамъ, отправлявшимся въ партію, и въ покупкѣ разныхъ нужныхъ для нихъ предметовъ, и 3) въ исполненіи порученій центральнаго комитета, какъ это будетъ объяснено ниже."

Собираемыя такимъ образомъ деньги сосредоточивались у *Огрызки*, который и отдавалъ ихъ на храненіе кассиру своему, секретарю С. Петербургскаго губернскаго правленія, титулярному совѣтнику Михаилу *Коссовскому* **). Этотъ же *Коссовскій* занимал-

---

*) Коссовскаго, Юндзила, Опоцкаго и другихъ, имъ названныхъ.

**) Сосланъ въ каторжную работу. Кромѣ того онъ за-

ся впослѣдствіи сборомъ *офяръ* по роспискамъ ржонда народоваго и *поддѣлкою фальшивыхъ паспортовъ* для намѣревавшихся бѣжать за границу, какъ говоритъ его собственное сознаніе и найденные при арестѣ его фальшивые паспорты.

Комитетомъ были сдѣланы распоряженія о заготовленіи оружія. Во многихъ офицерскихъ и студентскихъ квартирахъ образовались склады оружія; нѣкоторые были полиціею обнаружены; такъ между прочимъ въ квартирѣ Павла *Червинскаго* *) найденъ былъ складъ оружія, что не помѣшало ему оправдаться *легальными доводами* и потомъ отправиться въ шайку, командуя которою подъ именемъ Совы, онъ поразилъ своими звѣрствами даже самыхъ красныхъ патріотовъ. Онъ повѣсилъ нѣсколько человѣкъ и даже вырѣзалъ груди у женщинъ.

Для снабженія молодежи, отправляемой въ шайки, агентъ ржонда *Огрызко* устроилъ въ квартирѣ *Юндзила* цѣлую фабрику фальшивыхъ паспортовъ, подорожныхъ и печатей всѣхъ вѣдомствъ. Одинъ изъ пой-

---

нимался составленіемъ пасквилей, желая такимъ образомъ изъ политическаго дѣла сдѣлать дѣло личное. Объ немъ было уже говорено въ корреспонденціи изъ Вильны въ № 145 «Московскихъ Вѣдомостей» за 1865 годъ, „что онъ хотѣлъ разстроить свадьбу одного слѣдователя за то, что тотъ строго допрашивалъ его и *Огрызку* и такимъ образомъ отомстить ему за то, что онъ будто-бы: „jeden z najpierwszych inkwizytorów tutejszego kraju...“ (одинъ изъ первѣйшихъ инквизиторовъ здѣшняго края.)

*) Повѣшенъ.

манныхъ офицеровъ дезертировъ, теперь уже сужденный, говоритъ объ этомъ, между прочимъ, слѣдующее:

„Вслѣдствіе этого нѣсколько человѣкъ, назначенныхъ къ *Юндзилу*, приготовляли фальшивыя свидѣтельства; кажется, печати приготовлялись слѣдующимъ образомъ: если на конвертѣ, запечатанномъ сургучемъ или на какомъ нибудь дѣйствительномъ свидѣтельствѣ, была казенная печать, то ее намазывали деревяннымъ масломъ и обливали стеариномъ и по полученной формѣ галваническимъ приборомъ воспроизводили изъ мѣди печати. Не только печати, но казенныя подорожныя и паспорты очищались химическими средствами *) и надписывались на разныя фамиліи; а такъ какъ обыкновенно главная подпись литографировалась, то она и оставалась невредимою. Такихъ различныхъ бумагъ было приготовлено до 50, такъ какъ около этого числа лицъ должны были выѣхать изъ Петербурга одновременно. Мнѣ, такъ какъ я считался прикомандированнымъ къ гвардейскому Саперному баталіону, досталось свидѣтельство на 28 дневный отпускъ, до полученія отставки, въ г. Кіевъ, на имя поручика Глинки. Передъ выѣздомъ мнѣ было дано отъ *Юндзила* 60 р., а отъ *Опоцкаго* на маленькой карточкѣ адресъ въ Вильну, *Клечковскому*. **) Адресъ этотъ былъ написанъ на узенькой карточкѣ такъ, что, свернувши его, можно было положить въ мундштучекъ папироски. Кромѣ того я оставилъ у дворника адресъ какой то квартиры, въ которую будтобы я переѣзжаю, а самъ, собравши свои вещи въ 1 часу 6 марта переѣхалъ на квартиру къ *одному офицеру* и отъ него на другой же день отправился въ вокзалъ желѣзной дороги, вмѣстѣ съ другими моими товарищами.“

---

*) Совѣтъ: Uczmy się—не пропалъ даромъ; научныя свѣдѣнія, пріобрѣтенныя *на русскія деньги*, пригодились.

**) *Огрызко* въ одномъ изъ писемъ къ члену Виленскаго комитета *Оскеркѣ*, совѣтуетъ рекомендовать этого *Клечковскаго* (бѣжалъ) на должность по акцизу; къ нему направлялись отправляемые изъ Петербурга офицеры, желающіе поступить въ ряды повстанцевъ.

Въ это же время въ Петербургъ пріѣхалъ изъ Москвы представитель тамошняго польскаго революціоннаго кружка, сынъ польскаго эмигранта, Геронимъ *Киневичъ,* *) имѣвшій, какъ и *Огрызко,* должность революціоннаго агента въ Москвѣ. По совѣщаніи съ своимъ *собратомъ, Киневичъ* сталъ проводить идею, «что возмущеніе на югѣ Россіи будетъ весьма важнымъ «подспорьемъ для польскаго возстанія.» Онъ вошелъ въ прямыя сношенія съ представителями русскаго революціоннаго общества „Земля и Воля,“ которые и подали ему надежду, *что многіе русскіе офицеры и солдаты перейдутъ въ ряды повстанцевъ* (?!) и что лѣтомъ, быть можетъ, вспыхнетъ возстаніе (!?) во внутреннихъ губерніяхъ. Обнадеженный такимъ образомъ, онъ однако мало вѣрилъ обѣщаніямъ и силѣ русскихъ революціонеровъ, а потому обратился къ Петербургскому польскому комитету за деньгами для этого предпріятія, которое надѣялся устроить самъ. Но Петербургскій агентъ, не имѣя въ то время значительныхъ суммъ, долженъ былъ ему отказать, командировавъ его въ Вильну къ тамошнимъ *своимъ друзьямъ,* которые въ общемъ засѣданіи комитета хотя и не одобрили *оффиціяльно* его планъ, но все таки деньги выдали. Разстрѣлянный въ Казани поручикъ *Червякъ* говоритъ объ этомъ, между прочимъ, такъ:

---

*) Разстрѣлянъ въ Казани.

«Знаю только отъ *Киневича*, что деньги для веденія Казанскаго дѣла онъ получилъ не изъ Петербурга, а изъ Вильны, потому что *Киневичъ* говорилъ мнѣ, что идея его сдѣлать возстаніе въ приволжскихъ губерніяхъ не была оффиціяльно одобрена Виленскимъ комитетомъ, и что только послѣ долгихъ стараній удалось ему пріобрѣсть помощь отъ нѣкоторыхъ членовъ сего комитета.»

Вернувшись изъ Вильны съ порядочнымъ запасомъ денежныхъ средствъ (ему было выдано комитетомъ 15000 р. сер.), *Киневичъ* сталъ искать себѣ достойнаго помощника, и такъ какъ онъ намѣревался вести это дѣло, прикрываясь именемъ русскихъ революціонеровъ, то ему надо было имѣть помощникомъ или Русскаго или Поляка съ русскою фамиліею. При содѣйствіи русскаго комитета, онъ нашелъ искомое, въ поручикѣ Максимѣ *Червякѣ*, который и былъ вѣроисповѣданія православнаго, но, воспитанный въ догматахъ польскаго катехизиса, считалъ себя Полякомъ, *) какъ и многіе товарищи по университету *Огрызки*, хотя и православные, но считали себя „Поляками до *плоти* и *кости*," и вслѣдствіе этого усердно *вліяли печатно* въ пользу польскаго дѣла. Когда *Киневичъ* донесъ ржонду народовому, что онъ разсчитываетъ въ своемъ предпріятіи на помощь русскихъ революціонеровъ, но только они сильно нуж-

---

*) Разстрѣлянъ въ Казани. Нѣкоторыя подробности о его дѣлѣ были публикованы въ № 232 «Московскихъ Вѣдомостей» за 1865 годъ. Мать его была полька и онъ молодость свою провелъ у дяди своего поляка-фанатика.

даются въ деньгахъ, то варшавскій ржондъ предписалъ *Огрызкѣ* снестись съ русскимъ обществомъ революціонеровъ и потребовать отъ нихъ увѣдомленія, въ чемъ могутъ они содѣйствовать интересамъ польскаго возстанія. Одинъ изъ членовъ варшавскаго ржонда говоритъ объ этомъ такъ:

„Еще въ мартѣ (1863 г.) послалъ я порученіе *Огрызкѣ* спросить *Центральный русскій комитетъ* (?!), можетъ ли онъ вообще чѣмъ нибудь помочь возстанію и чѣмъ именно?—и получилъ чрезъ Вильну отвѣтъ отъ *Огрызки*, что члены комитета откровенно объявили о невозможности подать намъ какую нибудь помощь, развѣ что будутъ стараться *вліять на общественное мнѣніе Россіи въ нашу пользу.*" *)

Огрызко въ своемъ показаніи объ этомъ говоритъ между прочимъ такъ:

„Рѣшаясь высказать совершенно чистосердечно мое участіе въ дѣлѣ послѣдняго польскаго возстанія, имѣю честь объяснить, что на запросъ варшавскаго центральнаго комитета о томъ, можно ли будетъ разсчитывать на содѣйствіе петербургскаго русскаго революціоннаго общества, я увѣдомилъ, что общество это такъ слабо, что на него разсчитывать не слѣдуетъ"......

Далѣе *Огрызко* говоритъ:

„Въ главѣ того общества (русскаго), которому были переданы бумаги центральнаго комитета, стоитъ *Утинъ*; какъ бумаги, такъ и записки передавались обществу чрезъ бывшаго студента с. петербургскаго университета Лонгина *Пантелѣева* *) (который завѣдывалъ сношеніями рус-

---

*) Ужь не вслѣдствіе ли *этого* многія газеты такъ усердно *вліяли на наше общественное мнѣніе по польскому дѣлу*, особенно, въ то время начавшія свое существованіе.

*) Сужденъ въ каторжную работу.

скихъ революцiонеровъ съ Поляками) и на бумагахъ, которыя передаются этому обществу, слѣдуетъ дѣлать надпись: Brown."

Кромѣ того, при содѣйствiи петербургскаго комитета, отставнымъ инженеромъ *Iосифомъ Калиновскимъ* *) были собраны всѣ секретные планы крѣпостей и доставлены въ ржондъ народовый, главный членъ котораго говоритъ объ этомъ такъ въ своихъ показанiяхъ:

„Iосифъ *Калиновскiй* (инженеръ), въ маѣ мѣсяцѣ 1863 года, представилъ и вручилъ *народовому правительству* (?!) посредствомъ *Голендзовскаго* **) карты (т. е. планы) крѣпостей русскихъ. *Планы* эти были отправлены за границу на сохраненiе къ Владиславу *Чарторыйскому*, которому вмѣстѣ съ тѣмъ поручено было копiю плановъ представить г. Друену-де-Люису, министру иностранныхъ дѣлъ во Францiи."

Затѣмъ, изъ болѣе важныхъ распоряженiй варшавскаго ржонда *Огрызко* получилъ предписанiе заготовить и доставить въ Варшаву и Вильну топографическiя карты Царства Польскаго и западныхъ губернiй и прислать въ Варшаву нѣсколько офицеровъ генеральнаго штаба и артиллерiи. Одинъ изъ главныхъ членовъ варшавскаго ржонда объ этомъ говоритъ, между прочимъ, такъ: ***)

---

*) Iосифъ *Калиновскiй*, отставной инженеръ штабсъ капитанъ, завѣдывалъ военнымъ отдѣломъ въ Литвѣ (военный министръ); сосланъ въ каторжную работу.

**) Завѣдывалъ военнымъ отдѣломъ въ Царствѣ Польскомъ (военный министръ); бѣжалъ.

***) Показанiя самого *Огрызки* вполнѣ подтверждаютъ

„Въ концѣ апрѣля, или въ началѣ мая 1863 года, я отправилъ *Огрызкѣ* порученіе *покупить* (sic) топографическія карты Царства Польскаго и западныхъ губерній и прислать въ Варшаву нѣсколько офицеровъ генеральнаго штаба и артиллеріи, вслѣдствіе чего *Огрызко* и прислалъ въ Варшаву желаемыя карты, кажется, въ двухъ экземплярахъ, и офицеровъ *Голендзовскаго*, поручика инженеровъ *Соколовскаго* и другихъ."

Кромѣ того, изъ его показаній мы знаемъ, что:

«Варшавскій ржондъ требовалъ отъ петербургскаго комитета высылки въ Варшаву офицеровъ техниковъ-спеціалистовъ для устройства, въ случаѣ удачнаго оборота революціонныхъ дѣйствій и пришествія французскихъ войскъ, мѣстныхъ: оружейныхъ мастерскихъ, капсюльной фабрики, военныхъ лабораторій и пороховаго завода,—и получили отвѣтъ изъ Петербурга, что какъ техники въ распоряженіе центральнаго комитета будутъ доставлены требуемые офицеры, но что въ возстаніе они не пойдутъ, пока не образуются окончательно революціонныя войска, или не придутъ Французы.»

Далѣе въ его показаніи мы читаемъ:

„Недостатка въ офицерахъ не было. Не было ни одной шайки въ Литвѣ, въ которой находилось бы менѣе трехъ русскихъ офицеровъ; это объясняется тѣмъ, что весьма многіе литовскіе помѣщики служили въ русской арміи и что петербургскій военный комитетъ доставилъ виленскому отдѣленію значительное число офицеровъ. — Виленскіе *друзья наши* до такой степени не знали, что дѣлать и куда посылать офицеровъ, что, напримѣръ, посланный нами въ ихъ распоряженіе *Гейденрехъ* (Крукъ,) который желалъ воевать въ Литвѣ, возвратился послѣ нѣкотораго времени въ Варшаву и говорилъ, что не могъ дождаться никакого порученія.»

какъ приводимое здѣсь показаніе члена варшавскаго ржонда, такъ вообще и всѣ прочія здѣсь приводимыя.

Далѣе слѣдуетъ:

„Прямыя сношенія *Огрызки* съ варшавскимъ правительствомъ (?!) были весьма скудны; отвѣчалъ же онъ на данныя ему порученія всегда посредствомъ виленскаго комитета. Вся дѣятельность его (Огрызки) была почти исключительно посвящена возстанію въ Литвѣ, и революціонное правительство предназначило исключительно виленскому комитету извлекать всевозможную пользу изъ сношеній съ Петербургомъ, по невозможности *пособлять* Литвѣ средствами, которыя другимъ мѣстностямъ представляли сношенія съ Галиціею, Познанью, съ эмиграціею и съ заграницею вообще."

Однимъ словомъ, по выраженію одного здѣшняго генерала, разбиравшаго военныя дѣйствія мятежниковъ: «*Петербургъ былъ операціоннымъ базисомъ мятежниковъ во время послѣдняго возстанія въ сѣверо-западномъ краѣ.*»

И дѣйствительно, петербургскій комитетъ высылалъ офицеровъ и студентовъ преимущественно въ западный край. Между многими, высланными по распоряженію петербургскаго комитета, назову: *Сѣраковскаго*, *Миладовскаго*, двухъ братьевъ *Лясковскихъ*, *Червинскаго*, двухъ братьевъ *Малецкихъ*, *Довнара-Запольскаго*, *Барановскаго*, *Черняка*, *Гедройца*, *Хайновскаго*, *Погоржельскаго*, *Ребиндера* и другихъ; всего до 1000 человѣкъ.

Съ назначеніемъ въ Вильну главнымъ начальникомъ края графа М. Н. Муравьева и послѣдовавшими затѣмъ рѣшительными мѣрами, возстанію въ сѣверо-западномъ краѣ былъ нанесенъ громовой ударъ. По выраженію главнаго члена варшавскаго ржонда:

„Первый напоръ, первый ударъ прибывшаго въ Вильну въ маѣ, кажется, мѣсяцѣ, генерала Муравьева былъ такъ вѣренъ, что разбилъ въ дребезги литовскую революціонную администрацію: шляхетскіе чиновники въ паническомъ страхѣ бросали дѣла, прятали въ землю печати, не увѣдомивъ даже о томъ свое начальство.“

Ударъ этотъ былъ такъ силенъ, что онъ не могъ не отозваться и на петербургскихъ революціонерахъ; а принятыя нашимъ правительствомъ мѣры сдѣлали для нихъ невозможною матеріальную помощь Литвѣ. Даже ихъ сообщенія съ Вильною стали очень затруднительны. А такъ какъ Россія сама по себѣ, безъ польскихъ учителей и опекуновъ, непредставляла бы матеріала для революціи, то и понятно, что петербургскіе революціонеры пришли къ весьма комическому положенію — дѣлать *заемъ въ сотню рублей*. Слабость революціонеровъ въ Петербургѣ, въ августѣ 1863 года, лучше всего рисуется показаніемъ одного изъ членовъ варшавскаго ржонда:

„Помню, что во время пребыванія моего въ Литвѣ, Владиславъ *Малаховскій* *), послѣ выѣзда своего изъ Вильны въ Петербургъ, въ письмѣ, присланномъ оттуда Константину *Калиновскому* **), жаловался на недѣятельность и *трусливость Огрызки* и просилъ виленскій комитетъ требовать у народнаго правительства удаленія его (ржонда)

---

*) Былъ революціоннымъ начальникомъ г. Вильны; бѣжалъ послѣ неудачнаго покушенія на жизнь Виленскаго предводителя дворянства Домейки.

**) Константинъ Калиновскій былъ уполномоченнымъ коммисаромъ въ Вильнѣ, а впослѣдствіи даже диктаторомъ литовскимъ; арестованъ въ январѣ и повѣшенъ въ мартѣ 1864 г. (Въ № 286 „Московскихъ Вѣдомостей“ вкралась ошибка, ибо онъ повѣшенъ 10 марта 1864 г.)

представителя, вмѣстѣ съ тѣмъ представляя доктора при статсъ-секретаріатѣ Царства Польскаго на революціоннаго агента въ С.-Петербургѣ.“

Далѣе онъ говоритъ:

„Во время пребыванія же моего въ Вильнѣ, *Малаховскій* (Владиславъ) писалъ изъ Петербурга къ *Калиновскому*, что познакомился съ русскими революціонерами (т. е. съ комитетомъ) и что въ самомъ дѣлѣ они слабы; но что онъ совѣтуетъ виленскому комитету помогать имъ *для пользы революціи*, и просилъ именно прислать имъ одну ручную типографію и дать на издержки, *какъ заемъ, 500 руб. серебромъ. Калиновскій* денегъ не послалъ, но приказалъ отправить, по указанному *Малаховскимъ* адресу, типографію, выписанную изъ-за границы.“ *)

Пробудившееся же во всей Россіи патріотическое чувство раскрыло глаза заблуждавшимся Русскимъ, и они увидѣли всю бездну, въ которую Поляки съ *Герценомъ и Бакунинымъ* всячески хотѣли ихъ втянуть, и *лжерусскіе* патріоты показались такъ гадки, что, какъ выразился одинъ: „*Досадно за себя, какъ это я былъ такъ глупъ, что вѣрилъ и увлекался словами этихъ Шемякинскихъ сановниковъ.*“

На польскихъ революціонеровъ въ Петербургѣ этотъ всеобщій, проснувшійся русскій патріотизмъ навелъ такую панику, что даже и *Огрызко струсилъ*.

Всѣ они, съ свойственною Полякамъ ловкостью, стали заботиться, какъ бы получше скрыть свои дѣйствія и не попасть за нихъ въ отвѣтъ передъ зако-

---

*) Арестована виленской полиціей при отправкѣ, на желѣзной дорогѣ.

номъ, и для этого опять таки прибѣгали къ новымъ незаконнымъ средствамъ. Члены петербургскаго комитета, боясь, чтобы тѣ, которые могли назвать ихъ, попавъ разъ въ руки правосудія, не были бы арестованы, горячо занялися фабрикаціею паспортовъ *) и сборомъ денегъ въ пользу ссыльныхъ и намѣревающихся бѣжать за границу **). *Огрызко* въ этомъ случаѣ былъ еще болѣе остороженъ: онъ объѣхалъ всѣхъ своихъ соучастниковъ и, по *собственному сознанію*, условился со всѣми, какъ показывать въ случаѣ призыва къ допросу.

Но не успокоенный этимъ, онъ постоянно слѣдилъ за начинавшимися арестами въ Петербургѣ и за возникшимъ по этому поводу слѣдственнымъ дѣломъ (чрезъ разныхъ родственниковъ арестованныхъ, допускавшихся къ свиданію) тревожась, какъ бы фамилія его не была кѣмъ нибудь названа.

---

*) Добыванію паспортовъ содѣйствовали служащіе въ Петербургѣ Поляки; особенно же старательны были въ этомъ отношеніи: оберъ-секретарь *Баранецкій*, Михаилъ *Коссовскій*, лѣснаго корпуса поручикъ *Макржецкій* (бѣжалъ), сапернаго баталіона поручикъ *Васьковскій* (сужденъ).

**) Этотъ сборъ производился по роспискамъ, за печатью кого нибудь изъ членовъ ржонда. И такъ какъ наружная идея была довольно *гуманная*, то почти всѣ Поляки охотно вносили деньги и получали квитанцію за печатью ржонда. Михаилъ *Коссовскій* былъ и тутъ большой дѣятель; суммы были собраны достаточныя, но большая часть ихъ разошлась по карманамъ сборщиковъ.

Арестованный въ Петербургѣ *Юндзилъ* не сознавался, и *Огрызко* былъ спокоенъ. Наконецъ одинъ изъ офицеровъ дезертиръ, отправленный въ шайку петербургскимъ комитетомъ, долго укрывался послѣ разбитія шайки въ Новогрудскомъ уѣздѣ, но никакъ не могъ достать себѣ паспорта, не смотря на то, что онъ обращался ко всѣмъ своимъ прежнимъ соучастникамъ, угрожая имъ выдать ихъ въ случаѣ ареста. Вдругъ онъ получаетъ изъ Петербурга паспортъ и инструкцію, какъ добраться до Петербурга, но на дорогѣ былъ схваченъ и на допросахъ, между прочимъ, показалъ:

„Въ Петербургѣ же я долженъ былъ постараться выйдти изъ вагона первымъ, чтобы меня легче было замѣтить и разглядѣть условный знакъ; этотъ условный знакъ состоялъ въ томъ, что я долженъ былъ держать платокъ у носа и тогда ко мнѣ долженъ былъ подойдти и посмотрѣть на меня пристально человѣкъ лѣтъ 40, средняго роста, и я долженъ былъ сказать *І. О.*, т. е. начальныя буквы его имени и фамиліи (Іосафатъ Огрызко); а онъ уже долженъ былъ распорядиться, чтобы отправить меня поскорѣе за границу.“

Но судьба устроила иначе, и этотъ дезертиръ попался къ допросу въ виленскую особую слѣдственную коммисію, гдѣ вскорѣ далъ (сначала, какъ водится, не полное) показаніе, въ которомъ изъ знавшихъ преступленія *Огрызки* назвалъ только *Юндзила* и одного офицера, служившаго въ Кіевѣ (въ первомъ показаніи Огрызко не былъ еще названъ). Показаніе это было отправлено въ Петербургъ; *Огрызко* чрезъ родственниковъ арестованныхъ пронюхалъ объ этомъ и сей-

часъ-же увѣдомилъ въ Кіевѣ остававшагося на службѣ офицера, совѣтуя ему *скрыться за границею.* Но офицеръ этотъ былъ арестованъ. Когда же въ Вильнѣ начались сосредоточиваться всѣ дѣла, т. е. когда приказано было доставить изъ Петербурга *Юндзила* съ нѣкоторыми причастными къ его дѣлу, то *Юндзилу* дано было средство бѣжать изъ подъ ареста. Но всѣ эти продѣлки не спасли *Огрызку.* Накопившіяся къ этому времени въ коммисіи свѣдѣнія говорили ясно о виновности *Огрызки,* а потому онъ, по распоряженію господина б. главнаго начальника края, Графа М. Н. Муравьева, былъ арестованъ и 16 ноября доставленъ въ Вильну.

Чтобы объяснить еще одну сторону характера и дѣятельности *Огрызки,* приведу слѣдующее многознаменательное для насъ Русскихъ, особенно послѣ 4-го апрѣля, объясненіе Огрызки.

Въ числѣ фактовъ къ своему оправданію и для того, чтобы заслужить смягченіе при конфирмаціи, *Огрызко,* между прочимъ, разсказывалъ, что когда былъ уже назначенъ въ Вильну графъ Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ, то варшавскій ржондъ намѣренъ былъ убить его. Искали только фанатика, который бы взялся за исполненіе подобнаго преступленія, вслѣдствіе чего и петербургскій комитетъ тоже съ своей стороны искалъ такого злодѣя. Наконецъ однажды Виталій *Опоцкій* пришелъ къ нему, *Огрызкѣ,* съ донесеніемъ, что, при содѣйствіи пресловутаго общества „Земля и Воля,“ охотникъ нашелся между

Русскими (!?!) ремесленниками, который и проситъ за это злодѣйство 5 т. р. сер., и что будто-бы онъ, *Огрызко*, отклонилъ исполненіе этого злодѣйства, подъ тѣмъ предлогомъ, что не стоитъ рисковать жизнію такого преданнаго (!) ихъ дѣлу русскаго (?!) человѣка, тѣмъ болѣе, что онъ, по всей вѣроятности, не знаетъ хорошо Вильны, и что тамъ должны быть *свои жандармы.* Будто-бы этимъ удовлетворилъ (?) и *Опоцкаго* и спасъ жизнь (!?) М. Н. Муравьеву.

Чтобы обрисовать личность *Огрызки* со всѣхъ сторонъ, привожу слѣдующее. Сначала, въ коммиссіи, Огрызко началъ было рисоваться, употребляя разныя чиновническія увертки, утверждая, что онъ не виноватъ, и когда слѣдователь совѣтовалъ ему высказать откровенно свою вину, то онъ возразилъ:

„Послушайте, г. слѣдователь, я самъ знаю, что я уменъ, такъ какъ же вы хотите, чтобы я сознался? Вѣдь я понимаю, что если допустить даже, что я виноватъ, все-таки, пока я не сознаюсь, меня не казнятъ, потому что весь Петербургъ, въ которомъ у меня много друзей, закричитъ, что я казненъ неправильно; а если я сознаюсь, тогда меня вправѣ казнить.“

И когда ему слѣдователь сказалъ, что коммиссія постарается его убѣдить въ необходимости сознаться, тогда онъ спросилъ съ насмѣшкою: „Кто же это будетъ меня убѣждать?“—Слѣдователь сказалъ: а хоть бы я. На это *Огрызко* насмѣшливо возразилъ: „мелко плаваете“.... А чрезъ двѣ съ половиною недѣли, сознавшись во всемъ, онъ со слезами на глазахъ, цѣлуя, по польскому обычаю, плечи и локти того же самаго слѣ-

дователя, просилъ, дабы ему оставили жизнь. Полевой судъ приговорилъ его къ смертной казни; но главный начальникъ края, генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ, даровалъ ему жизнь, замѣнивъ смертную казнь ссылкою въ каторжную работу на 20 лѣтъ въ рудникахъ.

Разсказъ этотъ составленъ на основаніи фактъ и со словъ самихъ же дѣятелей, съ которыми я имѣлъ возможность, по своей обязанности говорить о Польской справѣ.

Выводы и заключенія, которыя я позволилъ себѣ здѣсь сдѣлать, основаны на шестилѣтнемъ моемъ пребываніи въ краѣ, во время котораго мнѣ, какъ по служебнымъ, такъ и по частнымъ дѣламъ, приходилось вращаться въ разныхъ слояхъ общества, а главное—они основаны на трехъ-лѣтней работѣ въ особой слѣдственной коммиссіи, послѣ которой мнѣ стали ясны многія особенности польскаго характера и его способности къ самымъ тонкимъ и самымъ грязнымъ интригамъ, которыми они насъ легко опутывали и завлекали въ *панургово стадо.* А вѣдь кто изъ насъ не побывалъ въ этомъ стадѣ, за періодъ времени 1856—1866 годовъ, когда всѣ безсознательно гонялись за *гуманностію* и *прогрессомъ* и за тѣмъ, *что скажутъ заграницей?*

Пропаганда производилась и заговоръ созрѣвалъ на нашихъ глазахъ, а мы молчали, ибо Поляки ис-

кусно пользовались нашимъ добродушіемъ и закрывали намъ ротъ вопросами: „а вамъ какое дѣло; развѣ вы полицейскій; неужели вы будете доносчикомъ или шпіономъ?“ И мы, Русскіе, молчали, считая *гуманностію* и дѣломъ *прогресса*—позволять покушаться на наше государство и считали *доносомъ*—помѣшать заговорщикамъ. А потому мы сами виноваты, если 4 апрѣля случилось святотатственное покушеніе на жизнь нашего Государя, и себя, болѣе чѣмъ кого либо, мы должны обвинять въ этомъ пятнѣ, которое чуть чуть не легло на чистыя страницы нашей исторіи. Нѣтъ, пока *увѣдомленія* о заговорѣ, о проискахъ Поляковъ и о дѣлаемыхъ имъ поблажкахъ со стороны властей считаются *доносомъ*, а не *обязанностію* каждаго честнаго русскаго гражданина,—до тѣхъ поръ мы будемъ въ панурговомъ стадѣ и не раздѣлаемся съ Поляками.

Разсказъ этотъ, кажется, достаточно ясно показываетъ, до чего можетъ довести насъ въ будущемъ наше излишнее добродушіе *къ несчастнымъ*. Намъ надо помнить, что Поляки искусно умѣютъ жаловаться и принимать *видъ жертвы*, и тогда насъ не увлечетъ ложное добродушіе, которое имѣетъ такія пагубныя для Россіи послѣдствія.

Чтобы показать, какъ Поляки умѣютъ пріобрѣтать сочувствіе нѣкоторыхъ Русскихъ, которые дорожатъ болѣе мнѣніемъ заграничныхъ газетъ и Поляковъ, чѣмъ благосостояніемъ своего государства, приведу одно письмо, находящееся въ числѣ другихъ мате-

ріаловъ въ нашихъ рукахъ. Письмо это писано чисто-русскимъ человѣкомъ и въ добавокъ—очень высоко поставленнымъ.

„Парижъ 22, Rue de la Paix, 23 декабря (4 января) 186⁴/₅

„Искренно благодарю ваше превосходительство за дружеское письмо ваше . . . .

„Вѣрноподданническая преданность моя къ Государю и неограниченное уваженіе къ М. Н. Муравьеву одушевляютъ меня въ моемъ ходатайствѣ, ибо я убѣжденъ, что послѣ энергіи, которою онъ уничтожилъ мятежъ, чѣмъ пріобрѣлъ вѣчную благодарность Россіи, въ настоящее время мѣры кротости и милосердія не только въ отношеніи невинныхъ, но даже и къ *самымъ преступнымъ* личностямъ, должны принести несомнѣнную пользу, доказывая ложность обвиненій, возводимыхъ на насъ партіею, враждебною матушкѣ Россіи, и разглашаемыхъ революціонными газетами; препровождаю двѣ вырѣзки изъ „*Opinion nationale*“, который при разборѣ: 1-е—папской буллы и 2-е—словъ Наполеона дипломатическому корпусу въ новый годъ, нашелъ возможнымъ сдѣлать нападку на Россію и на генерала Муравьева.

„Не желая отвлекать Михаила Николаевича отъ его занятій, умоляю его чрезъ посредничество ваше, положить гнѣвъ на милость, вспомня русскую пословицу, *что лежачаго не бьютъ*“ *)....

Но вѣдь подобное сердобольничаніе есть, по выраженію самихъ же поляковъ, отличительная черта панургова стада. Впрочемъ, какъ интрига польская ведется еще съ давнихъ временъ, такъ и подобныя тенденціи существуютъ давно. Въ 1812 году графъ

*) Письмо это показываетъ всю громадность заслуги главнаго начальника края, которому, уничтожая польскую пропаганду, приходилось получать подобнаго рода ходатайства отъ Русскихъ.

Михаилъ *Огинскій* намѣревался-же подсунуть Государю проектъ возстановленія Польши съ тѣмъ, чтобы и *сдѣлать отдѣльное Великое княжество Литовское изъ западной Россіи;* но благодаря только проницательности Государя Императора, проектъ этотъ не былъ принятъ; а вѣдь были же такіе Русскіе, которые находили это мѣрою возможною, *современною* и даже *полезною,* хотя самъ *Огинскій* писалъ: „Votre Majesté trouvera peut être que la mesure que je propose est trop précipitée… Mais j'anticipais sur les événements, qui doivent arriver saus ancun doute.“

Въ этомъ проектѣ предполагалось между прочимъ слѣдующее письмо къ фельдмаршалу (смотр. стр. 235, III части.)

„Солдаты да видятъ въ жителяхъ *несчастныхъ* братьевъ, а начальники *наперерывъ да поспѣшатъ* осушить ихъ слезы. Ваше покровительство да распространится *на всѣ сословія.* Тѣ, которые, уступая силѣ обязательствъ, приняли должности въ управленіи или въ войскахъ, тѣ, которыхъ соблазнили мечтательныя обѣщанія Наполеона, да не познаютъ они другаго наказанія, какъ *угрызенія ихъ собственной совѣсти* (!?!!!)“…

Долго ли мучили Поляковъ угрызенія совѣсти? и оказалась ли она у нихъ?—объ этомъ можетъ судить всякій изъ того, что мятежъ и польская интрига не прекращались ни на минуту и составляютъ своего рода *perpetuum mobile польской справы.* И не смотря на это, есть люди, которые утверждаютъ опять, *что надо, что пора прекратить преслѣдованіе несчастныхъ.* Да вѣдь кто не преслѣдуетъ непріятеля, тотъ не воспользуется плодами выиграннаго сраже-

нія. А имѣя дѣло съ такимъ непріятелемъ, какъ Поляки, которые, благодаря своему катехизису, такъ искусились въ дѣлѣ интриги, намъ непремѣнно надо продолжать преслѣдованіе до nec plus ultra. Въ доказательство же того, что и такъ-называемый „лежачій Полякъ" все таки не перестаетъ заводить интриги, приведу слѣдующее: Когда *Огрызко* съ своими соучастниками былъ уже сужденъ, то, передъ отправкою его въ Сибирь, онъ успѣлъ возобновить сношенія *съ своими* петербургскими *друзьями,* при помощи которыхъ *Огрызко* надѣялся (?) въ Петербургѣ выхлопотать себѣ *амнистію* (!!!?). Соучастники его тоже надѣялись получить амнистію вмѣстѣ съ *Огрызкою,* сильно разсчитывая *„на ширину плечъ"* этого *„столба въ народѣ"* (какъ называлъ его въ припадкѣ патріотизма Михаилъ *Коссовскій*) и на *„могущество Огрызкиныхъ друзей"* *) и для этой цѣли они было завели особую интригу (которая, къ счастію, обнаружена), надѣясь, по прибытіи въ Петербургъ, при содѣйствіи *друзей*, повернуть дѣло такъ, что будто бы *Огрызко* и соучастники его сосланы вслѣдствіе личностей *Огрызки,*—и съ кѣмъ бы вы думали?—съ графомъ Муравьевымъ. (!!!?)

Я увѣренъ, что всякій Русскій, прочитавшій со вниманіемъ приведенные мною факты, осѣнитъ себя крестнымъ знаменіемъ и скажетъ: великъ Богъ земли

*) Вѣроятно, общихъ съ Бакунинымъ *„петербургскихъ друзей."*

русской, который не допустилъ польской интригѣ, такъ искусно веденной, исполнить свои замыслы!

Если разсказъ мой просвѣтитъ хотя немногихъ изъ заблуждающихся и если этимъ разсказомъ я избавлю Россію хотя отъ одного подобнаго *Огрызкѣ* дѣятеля, то я уже почту себя совершенно счастливымъ.

Да, намъ Русскимъ надо быть очень осмотрительными относительно нашихъ польскихъ друзей, которые исповѣдуютъ *польскій катехизисъ* и вторгаются къ намъ на службу, и помнить, что только береженаго Богъ бережетъ.

Г. Вильна.
20-го апрѣля 1866 г.

Цѣна 40 коп. серебромъ.

